

Полина Ковальская

Иллюзия Счастья

Полина Ковальская

Иллюзия счастья

«Литнет»

2026

Ковальская П.

Иллюзия счастья / П. Ковальская — «Литнет», 2026

Каждая девушка мечтает удачно выйти замуж. Лиза сорвала джекпот. Максим Миров — богатый, красивый, успешный, идеальный мужчина. Свадьба, медовый месяц, новая жизнь — всё как в голливудском фильме. Через несколько дней Лиза осознает: за идеальным фасадом кроется куда более мрачная правда. Тайные сделки, давление со стороны его отца, загадочные разговоры и решения, в которых ей нет места. Максим оказался в центре борьбы за власть в своей компании. Лиза попала в чужую игру, правила которой ей никто не объяснил. Чем глубже она погружается в ситуацию, тем яснее понимает: это не просто кризис в отношениях. И теперь главный вопрос — что Максим скрывает на самом деле. И какую роль в этом играет она?

© Ковальская П., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава двадцать вторая	5
Глава первая	12
Глава вторая	17
Глава третья	20
Глава четвертая	24
Глава двадцать третья	28
Глава пятая	31
Глава шестая	39
Глава седьмая	44
Глава двадцать четвертая	47
Глава восьмая	53
Глава девятая	57
Глава десятая	60
Глава одиннадцатая	64
Глава двадцать пятая	68
Глава двенадцатая	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Глава двадцать вторая

— А твой начальник не возражает, что ты продлила отпуск еще на неделю? — с любопытством спросила Саша, пока мы шли через парк к нашему любимому кафе.

Я задумчиво хмыкнула:

— Я объяснила ему часть того, что произошло. — Она сочувственно поморщилась, когда я скривилась. — Он, конечно, был в шоке и тут же сказал, что я могу взять еще времени, если нужно. Но мысль о том, чтобы вернуться туда и объяснять всем, что случилось... — Я театрально вздрогнула. — Представить, как я объявляю: «О, я, оказывается, вовсе не замужем, так что...» — даже спустя несколько недель это по-прежнему пугало до дрожи.

— То, что произошло, никак не характеризует тебя, — горячо возразила Саша. — Это лишь показывает, какой он подонок.

— Может быть, — пробормотала я. — Но люди все равно будут удивляться, как я могла этого не заметить. Будут думать: «Как она могла быть с ним целый год и совсем его не узнать?» Все станут смотреть на меня так, будто со мной что-то не так, будто я испорченный товар.

Саша издала какой-то странный звук, вырывая меня из пучины жалости к себе.

— Что это было?

Она одарила меня озадаченной улыбкой, но меня ей не провести.

— Что это был за звук? — настойчиво спросила я.

— Это называется дыхание, — надменно ответила она. — Иногда у меня проблемы с носовыми пазухами, и с твоей стороны невежливо это замечать.

Я посмотрела на нее, но тут же сменила тему:

— Знаешь, на днях я видела пост Вконтакте. От Коли.

Ее глаза на мгновение сверкнули, но она тут же напустила равнодушный вид:

— А?

— Да, он был на вечере рисования с бокалом вина, и это показалось мне странным. Не похоже на него.

— Понятия не имею, — небрежно бросила она. — И не понимаю, зачем ты мне это рассказываешь. Я не слежу за Николаем, и мне, в общем-то, неважно, где он был.

Я пропустила ее слова мимо ушей:

— Так вот, на фото была рука. Женская рука. — Она поджала губы, старательно отводя взгляд. — И на этой руке был браслет. — Я схватила ее за запястье, прежде чем она успела увернуться, и подняла ее руку так, что мы обе увидели изящную серебряную цепочку с маленькой подвеской-ромашкой. — И он подозрительно похож на этот.

Ее губы подрагивали:

— Уверена, это очень распространенный браслет.

Я пристально посмотрела на нее, выжидая. Наконец она отвела взгляд, бурча:

— Чтоб Колю с его соцсетями... Какой из него юрист, если он не знает, что соцсети — первое место, где ищут доказательства?

Я не дала ей уйти от ответа:

— Так вы с ним... — Я повторила ее жест, который она показывала в «Лолите»: сделала круг большим и указательным пальцами и энергично просунула в него другой палец.

Она мрачно нахмурилась:

— Нет, нет. Я не сплю с ним. — Она издала что-то вроде фырканья, заставляя меня сдерживать улыбку. — Он полный болван, который считает себя божьим даром для женщин. — Она задрала нос, вырывая у меня руку. — А ты слышала что-нибудь от Волан-де-Морта?

Теперь уже я отвела взгляд:

— Все еще не положено произносить его имя.

— Ну так слышала?

Я призналась:

— Я не видела его с тех пор, как он заходил после визита этой стервы.

— До сих пор не могу поверить в ее наглость, — покачала головой Саша. — Она ведь знает, что все было фикцией, верно? Так зачем пытаться прогнать тебя? — Я пожала плечами, но Саше, похоже, не нужен был мой ответ. — И почему она не знала, что ты подала на аннулирование брака?

— У меня нет версии лучше твоей.

— Странно, что он не связался с тобой, особенно после того, что сделал.

Последние две недели я старалась избегать любых упоминаний о Максиме, его семье или той женщине. Но было почти невозможно не заметить последствий того, что Макс внезапно ушел с поста генерального директора Solitar.

Была ли я удивлена, что он, по сути, оставил огромную воронку в компании своего отца и просто ушел, оставив за собой дымящийся мир? Да.

Изменило ли это что-нибудь? Нет.

Все, что я сказала ему в тот день, по-прежнему остается в силе. Он не обязан был соглашаться на безумный план своего отца. Мог сделать что угодно, но не жениться на мне под ложным предлогом, притворяясь, будто я никогда не узнаю правду. А я бы узнала — рано или поздно. Даже если не считать тех тайных телефонных звонков... Что, впрочем, подводит меня к другой проблеме.

«Милая». Это слово до сих пор эхом отдается в моей голове — словно детская игрушка, в которой ты знаешь, что не должен нажимать кнопку, но все равно нажимаешь. И потом бесконечно ждешь, пока она не замолчит.

Вот одна из причин, почему я не рассказываю Саше всей правды.

Я не вру: он не писал и не звонил. Не появлялся у моей двери. Но он присылал цветы — розовые розы и лилии. В другой день меня ждали шоколадные конфеты, а потом — лимитированное издание книги в твердом переплете, которую я отчаянно ждала.

Посылки приходили не каждый день, но достаточно часто, чтобы он постоянно маячил на задворках моего сознания, цепляясь за меня грузом воспоминаний за целый год — даже несмотря на то, что каждое из них пропитано его ложью.

— Лиза? — В ее голосе звучала тревога.

Мы остановились посреди дорожки, посмотрели друг другу в глаза.

— Что...

— Мне нужен кавалер, — выпалила я чересчур громко, с наигранным воодушевлением.

Саша отшатнулась, словно я объявила, что собираюсь вступить в клуб нудистов. Брови сошлись на переносице. Открыла рот. Закрыла. Прищурилась и вежливо переспросила:

— Можешь повторить? Должно быть, я ослышалась.

— Мне нужен кавалер.

— Вот именно это я и подумала, но не поверила собственным ушам! — к концу фразы она почти кричала.

Я украдкой оглянулась, краснея: мой взгляд встретился со взглядом пожилой женщины на скамейке. Я сморщила лицо в извиняющейся гримасе, схватила Сашу за локоть и оттащила в сторону.

— Ты невыносима, — прошипела я, пока она громко хохотала. — Мне не столько кавалер нужен, сколько...

— Чтобы кто-то потоптал твои сапоги? Почистил ракушку? Совершил акт плотской любви? — пауза для вдоха, а затем вкрадчиво: — Чтобы хорошенько тебя... э-э-э... обслужил?

— Не понимаю, почему я с тобой дружу.

— Потому что без меня твоя жизнь была бы скучной и неполной. — Она перевела дух. — Ты уверена? — Не дожидаясь ответа, тут же добавила: — Не пойми неправильно, я целиком за философию «переспи, чтобы пережить», но это... это не про тебя. Лиз, ты чувствуешь... ты чувствуешь все так глубоко и сильно.

Запыхавшись, она фыркнула; я закатила глаза. Когда подруга взяла себя в руки, продолжила, словно ничего не случилось:

— Я хочу сказать, что не уверена, правда ли тебе нужно приоткрывать эту дверь для кого-то еще.

Не успела я возразить — начать рассуждать о том, что желание испытать оргазм не равно открытию дверей в душу, — как сзади кто-то окликнул меня по имени.

Мы обернулись и увидели стремительно приближающихся мать и сестру Максима. За ними плелась Елена Абрамова с кислой миной.

— Лизавета! — звонко воскликнула Ольга.

Сегодня она выглядела свежее и непринужденнее, чем когда-либо: свободная блуза, шелковые брюки с широкими штанинами. На шее — сверкающее кольцо, волосы убраны в небрежный пучок.

— Как здорово наткнуться на тебя здесь, именно здесь! Я уже несколько недель хотела с тобой встретиться, но Максим сказал, что ты отменила встречу на прошлой неделе, потому что не в настроении. Я хотела отправить тебе посылку с заботой, но он велел оставить тебя в покое. — По ее лицу было видно, что она сожалеет, что послушалась. — Но ты уже в форме! Выглядишь потрясающе. Ты уже связалась с фотографом? Я бы с удовольствием посмотрела свадебные фото. Знаю, что прошло больше месяца, но тот день был таким прекрасным... — Ее глаза слегка затуманились, а мы обменялись ошарашенными взглядами с Сашей. — Не знаю, когда у нас получится устроить еще одну свадьбу...

— Мам, — торопливо перебила ее Диана.

Она была одета попроще: джинсы и футболка с надписью «Я бы лучше читала» и стопкой книг.

— Наш заказ через десять минут, — натянуто произнесла Елена, словно во рту у нее была долька лимона. — Думаю, нам действительно стоит...

— О, прекрасная идея! Лиза, почему бы тебе не присоединиться к нам за обедом?

Диана подошла ближе; в ее глазах читалось искреннее сожаление:

— Ты разговаривала с Максимом?

Ольга нахмурилась:

— Что за глупый вопрос, Диана! Конечно, разговаривала. Они женаты.

Отчаянно желая сойти с этого поезда крушения, я вежливо улыбнулась:

— Сегодня не получится пообедать, — с притворной грустью ответила я. — У нас...

— Встреча, — выпалила Саша. — Заранее назначенная встреча.

Мама Максима заметно сникла:

— Ох, как жаль... Давай договоримся о встрече в ближайшее время, хорошо? И ты сообщишь мне, когда будут готовы фотографии? — Ольга тут же снова оживилась: — Мы могли бы устроить семейный просмотр! Будет так весело!

— Конечно, Ольга, — кивнула я. «А еще я могла бы сжечь каждое фото-воспоминание», — мысленно добавила.

Диана встретила со мной взглядом: в ее глазах были и веселье, и понимание. Затем она повернулась к матери:

— Пойдем, мам, Елена. Нам лучше поторопиться, если не хотим, чтобы наш столик отдали другим.

Раздалась череда поцелуев в щеку — и вот они уже ушли, оставив нас с Сашей в полном ошеломлении.

— Почему его семья думает, что вы все еще вместе? — спросила Саша.

— Не знаю, — ответила я, все еще глядя туда, куда они направились. В голове была полная путаница.

Я обернулась к Саше в тот самый момент, когда она взяла меня под руку и потянула вперед:

— Так... насчет того кавалера? Думаю, я знаю одного парня.

Она назначает встречу в тот же вечер, явно не желая оставлять мне пространство для маневра и попыток отказаться. Выступает посредником: договаривается, чтобы парень по имени Глеб встретил меня в баре отеля «Астория». Однако меня не покидает недоумение: с чего это парень оказался свободен для спонтанного свидания вслепую? Я пытаюсь выведать о нем побольше, но Саша упорно хранит молчание. В итоге я иду на встречу с предельно заниженными ожиданиями.

До выхода остается несколько часов, а в голове все крутится недавнее столкновение с Ольгой. Я обещаю себе снова заблокировать Максима — но так и не делаю этого. Наконец, не дав себе времени на раздумья, открываю переписку и набираю сообщение:

Лиза: Почему твоя семья думает, что мы вместе?

Нервно грызу ноготь, дожидаясь ответа. То и дело нажимаю на экран, чтобы он не погас, — и потому вижу в ту же секунду, как он читает сообщение. Жду, неотрывно глядя на место, где должны появиться пузырьки набора текста... Но ответа нет.

Зло отбрасываю телефон и включаю телевизор в отчаянной попытке отвлечься. В итоге два часа смотрю повторы старого сериала, а потом встаю, чтобы собраться на свидание. Я честно говорю Саше, что не хочу отношений. Но, возможно, эта встреча — именно то, что нужно, чтобы хоть немного отстраниться от всей этой ситуации.

После душа достаю свое маленькое черное платье — с кружевными рукавичками-фонариками и кокетливым подолом до середины бедра. Для первого свидания оно, пожалуй, чересчур: глубокий вырез на спине выглядит откровенно. Но именно это мне и нужно, чтобы придать уверенности. Дополняю образ изящными туфельками на шпильке с ремешками, завязывающимися бантиком на щиколотке, собираю волосы в небрежный низкий пучок. Довольная выбором наряда, приступаю к макияжу: дымчатые тени, дерзкая темно-красная помада. Обычно я не выхожу за пределы зоны комфорта, но сегодня — особый случай.

Как раз вставляю в ухо маленькую бриллиантовую сережку, когда в дверь стучат. Нахмурившись, иду открывать — наполовину ожидая, что это Саша проверяет, действительно ли я собираюсь на свидание. Распахиваю дверь, не посмотрев в глазок.

Сердце тут же срывается в галоп: на пороге стоит Максим. Руки в карманах джинсов, черная рубашка туго обтягивает плечи и руки. Мысленно проклиная себя за то, что замечаю это.

— Привет, — произносит он ровно.

Его голос, знакомый до боли, прокатывается по мне, отзываясь тяжестью внизу живота. Губы искривляются в едва заметной улыбке — и это только усиливает ощущение.

В следующую секунду его рот приоткрывается: он, наконец, как следует разглядывает меня, и в груди расцветает удовлетворение.

— Куда-то собираешься? — хрипло спрашивает он; в глазах мелькает что-то неуловимое. Злость? Ревность? Желание?

Он хмурится, а я отвечаю ему сдержанной улыбкой:

— Да. У меня свидание.

Он спотыкается на вдохе:

— Свидание? Ты идешь на...

— Зачем ты пришел, Макс? — перебиваю я.

Его губы сжимаются в линию.

— Ты написала мне, и я хотел... — Его взгляд снова скользит вниз, задерживаясь на подоле платья. Он отводит глаза, шумно выдохнув, и проводит рукой по волосам. — Ничего из того, что я хотел сказать, не звучит правильно. По крайней мере в переписке. Поэтому я подумал... — Он замолкает, а на лице появляется решительное выражение. — Но я не позволю тебе уйти на свидание. Особенно в таком виде. Мы женаты...

— Мы оформляем аннулирование, — горячо возражаю я. — Мы не женаты.

Он прижимает правую руку — на пальце по-прежнему нет кольца — к груди.

— Мы женаты, — тихо говорит он. — И если ты хочешь пойти на свидание — ладно. Но ты будешь думать обо мне, пока будешь это делать.

Его глаза опасно темнеют — и это единственное предупреждение, которое я получаю, прежде чем он резко толкает меня назад, заходит следом и пинком закрывает дверь. Не успеваю моргнуть, как оказываюсь прижатой к стене. Он нависает надо мной, упираясь руками в стену по обе стороны от моей головы. Я тону в его запахе — таком знакомом, что он отзывается горькой болью.

Я упираюсь ладонями в его плечи, тщетно пытаюсь оттолкнуть.

— Что ты вообще делаешь?! — срываюсь я. — Ты не можешь просто...

Он прикладывает палец к моим губам, обрывая речь. Его взгляд не дрогнул, несмотря на ярость, пылающую в моих глазах.

— Скажи мне уйти — и я уйду, — твердо произносит он, не отрывая от меня взгляда. — Но скажи это искренне.

Я чувствую, как дрожу, а сердце бьется так часто, что, кажется, готово вырваться из груди.

— Я знаю: ты хочешь меня так же сильно, как я хочу тебя.

Его пальцы нежно скользят по изгибу моей нижней губы, затем опускаются к подбородку, заставляя приподнять голову. Другая рука медленно движется к подолу платья; костяшки пальцев едва касаются кожи на бедре. Я вздрагиваю, он усмехается.

— Это просто физическая реакция, — резко бросаю я, изо всех сил притворяясь равнодушной. — Это не значит, что я действительно хочу тебя.

Ложь.

— О, — он улыбается с игривой насмешкой, но в глазах читается жесткая решимость. — Значит, подойдет любой мужчина?

— Да, — шиплю я. — Я не нуждаюсь в тебе!

Он прижимается лбом к моему лбу; его теплое дыхание касается моих щек.

— Нет, ты не нуждаешься во мне. Но ты все равно хочешь меня. — Он выдерживает паузу, внимательно изучая мое лицо. — Скажи мне уйти, Лиза. Скажи, чтобы я ушел, — и я уйду.

Я облизываю губы — нужные слова уже вертятся на кончике языка. Но вместо них вырывается совсем иное:

— Ты можешь заставить меня кончить.

Мои глаза расширяются от неожиданности — почти так же, как его. Затем его взгляд темнеет от нарастающего желания, а я инстинктивно сжимаю бедра, ощущая, как трусики становятся влажными.

— Но это все, — торопливо добавляю я. — Дело не в тебе. Ты просто... просто игрушка. Инструмент, чтобы почувствовать себя лучше, снять напряжение. — Я с трудом сглатываю; сердце колотится так, что отдается в ушах. — Я использую тебя — точно так же, как ты использовал меня.

В его глазах вспыхивает боль, но он тут же скрывает ее, опустив ресницы. Секунду-другую он молчит, затем снова смотрит на меня — взгляд расплавленный, полный невысказанного.

— Ты можешь использовать меня в любое время. Я твой.

Внутри меня все сжимается от этих слов, но я маскирую реакцию насмешливым тоном:

— Думаю, ты доказал обратное.

Его пальцы уже на моем бедре; они приподнимают подол платья, дразняще скользя по коже там, где бедро переходит в талию.

— Я докажу тебе, — тихо шепчет он. — Я покажу, что говорю всерьез.

Он наклоняет голову; его намерения очевидны — губы почти касаются моих. Но я резко отворачиваюсь, и его поцелуй приходится в щеку.

— Никаких поцелуев, — твердо говорю я.

Он замирает; пальцы застывают на поясе моих трусиков.

— То есть оргазм — это нормально, а поцелуи — нет? — недоверчиво спрашивает он, приподнимая брови.

— Либо ты делаешь это, либо я найду кого-то другого, — язвительно отвечаю я, упорно не желая признавать, что его губы на моих ощущаются куда более интимно, чем пальцы между ног. И уж точно не хочу вспоминать тот поцелуй после слов «согласна».

Его рука скользит к затылку, быстро высвобождает волосы из прически и грубо сжимает их в кулаке. Кожа на голове саднит, но это ощущение, словно электрический разряд, пронзает все тело — устремляясь прямо туда, где пульсирует мое лоно.

— Ладно, — рычит он. — Никаких поцелуев. Но именно об этом ты будешь думать на своем свидании.

Его обещание пронизывает меня, словно раскаленная лава, влитая в вены.

— Ты будешь сидеть напротив какого-нибудь идиота и вспоминать, каково это — когда тебя касаюсь я, когда ты принадлежишь мне. И ты вспомнишь, что и я принадлежу тебе.

Он цепляет пальцами край трусиков и сдвигает их в сторону, глубоко вздыхая, ощутив влажную ткань. Его пальцы с привычной легкостью скользят между моих складок, а в глазах загорается триумф: он находит меня такой влажной и готовой.

— Промокла насквозь, — горячо шепчет он. — Скучала по мне, малышка?

Его слова — явная насмешка. Я рычу, изо всех сил стараясь не замечать тепло, разливающееся внизу живота.

— Замолчи!

Уголок его рта приподнимается в усмешке. Резким движением он оттягивает мою голову назад и прижимается лицом к изогнутой шее — губы кусают и посасывают кожу. Я тут же вцепляюсь в его волосы, дергая еще сильнее, чем он.

— Не оставляй следов, иначе все кончено, — предупреждаю я твердо.

Он усмехается и слегка отстраняется, но тут же его пальцы находят мой клитор. Прикосновения — нежные, дразнящие; все тело пульсирует от желания. Ноги дрожат, колени почти соприкасаются; я яростно прикусываю губу, не позволяя ни единому звуку сорваться с языка. Он их не заслуживает.

— Я так по тебе скучал, — приглушенно бормочет он, уткнувшись в мою шею.

Его пальцы скользят по влажной коже, замирают у входа, затем один осторожно проникает внутрь — и тут же выходит, заставляя внутренние мышцы судорожно сжиматься в пустоте. Грудь тяжело вздымается, дыхание становится поверхностным. Когда его прикосновение вновь возвращается к клитору — слишком легкое, чтобы принести облегчение, — меня охватывает почти невыносимое напряжение.

Я снова дергаю его за волосы, впиваясь ногтями в кожу головы.

— Давай уже, — выдыхаю я. — Хватит играть.

— Разве не для этого нужны игрушки?

Я наклоняюсь вперед и с силой кусаю его за плечо — прямо сквозь хлопок рубашки. Он резко отстраняется, выругавшись.

Отпрянув, я усмехаюсь, встречая его сердитый взгляд.

— Мне нужно идти, — напоминаю я холодно.

И тут два его пальца без предупреждения погружаются в меня. Охваченная внезапным, острым ощущением, я вскрикиваю, поднимаясь на цыпочки. Он отпускает мои волосы, хватая лиф платья и резко опускает его ниже груди; с кружевным бюстгалтером поступает так же. Наклонив голову, он начинает посасывать затвердевший сосок, слегка покусывая его зубами. Я запрокидываю голову, задыхаясь от нахлынувших чувств.

Его рука двигается во мне — твердо и быстро, ладонь ритмично задевает чувствительный бугорок. Румянец разливается по груди и щекам; кажется, я умру, если он остановится.

Я тяжело дышу, обвивая рукой его шею, чтобы удержаться на ногах. Он поднимает голову, зажимает сосок между пальцами, крутит его, а затем резко тянет — волна ощущений поднимает меня все выше, пока ничего не остается, кроме него и того, что он заставляет меня чувствовать.

— Я держу тебя, малышка, — шепчет он.

Я уже слишком далеко, чтобы приказать ему замолчать. Глаза крепко зажимаются, мир расплывается и вспыхивает одновременно. Его пальцы покидают меня, искусно находя клитор.

— Ты такая влажная для меня, — его голос звучит будто издалека; каждая клеточка моего существа сосредотачивается на скольжении его пальцев. — Ты моя, малышка, и твое тело это знает. Можешь идти на свидание с другим мужчиной, но это... — Его пальцы снова оказываются внутри меня — настойчивые, твердые; они раздвигаются, растягивая меня. Он издает низкий гортанный звук, грудь вибрирует, когда он решительно сгибает пальцы. — Это мое, — хрипло произносит он. — Что бы ни случилось, это всегда будет моим.

Перед глазами белеет, рот открывается — беззвучный крик вырывается, когда он толкает меня через край. Оргазм накрывает меня прежде, чем я осознаю, что уже на грани.

Он тяжело дышит надо мной, на верхней губе блестят капельки пота. Мягкими, почти ласковыми движениями пальцев он медленно возвращает меня в реальность. Отпускает мой сосок, кладет ладонь на грудь — и я знаю: он чувствует, как бешено стучит сердце под его рукой.

Он выпрямляется, и я приоткрываю глаза. Смотрю, как он вынимает руку из моих трусиков, позволяет платью упасть на место и делает небольшой шаг назад, оставляя меня привалившейся к стене.

Я не знаю, чего жду от него, но точно не того, что происходит дальше: он прижимает блестящие от влаги пальцы к губам и всасывает их. Я смотрю на него широко раскрытыми глазами, пока он тщательно облизывает их с темным выражением удовольствия на лице. Стыд и желание смешиваются во мне; тело пульсирует, будто я только что не испытала оргазм.

Наконец он вынимает пальцы и улыбается влажными губами, хрипло произнося:

— Восхитительно.

Осознав свое полуобнаженное состояние, я с достоинством поправляю бюстгалтер и платье, затем встречаю его выжидающий взгляд. Я не знаю, чего он ждет от меня, но я получаю от него то, что хочу. Когда дыхание выравнивается и голос обретает уверенность, я приподнимаю бровь, глядя на него в упор:

— Теперь ты можешь идти. Мне нужно быть в другом месте.

Глава первая

Я выхожу на балкон. Теплый ветер нежно ласкает лицо, перебирает распущенные волосы. Вдыхаю соленый воздух океана и прислушиваюсь к умиротворяющей мелодии утра: волны мягко разбиваются о золотистый берег, а их шум сплетается с пронзительными криками чаек в вышине. Глубоко вздыхаю.

Все вокруг кажется каким-то нереальным. Особенно остро это ощущается оттого, что сейчас мне не нужно ни о чем беспокоиться, ничего планировать. Напряжение постепенно отпускает плечи, и я впервые за долгие месяцы могу вдохнуть полной грудью.

Вгляд опускается на руку, крепко сжимающую металлические перила. На пальце ярко переливается новенькое обручальное кольцо, идеально сочетающееся с солитером на помолвочном кольце. Утреннее солнце играет на гранях драгоценного камня, даря ощущение безмятежного счастья.

Позади раздается легкий шаг — и вот уже теплое тело прижимается ко мне сзади, а загорелые руки нежно обвивают талию.

— Доброе утро, жена, — слышу сонный, чуть хрипловатый голос Максима.

Я улыбаюсь, не отрывая взгляда от бескрайнего горизонта:

— Доброе утро, муж.

Он улыбается в ответ, наклоняется и, уткнувшись носом в мою шею, заставляет дрожь пробежать по спине. Легкая щетина слегка царапает чувствительную кожу, и от этого простого прикосновения по телу разливается тепло.

— Как ты себя чувствуешь этим утром?

— Я рада, что мы выбрали Мальдивы для медового месяца, — отвечаю я. — Ни капли не скучаю по той унылой обыденности, что ждет нас дома.

Макс задумчиво мычит, укладывая подбородок на мою макушку. Его теплое дыхание шевелит волоски на моей голове.

— Ты была напряжена всю эту неделю, — тихо произносит он. — Нет, даже последний месяц, — поправляет себя.

— Знаю, — я кладу ладони на его руки, нежно проводя пальцами по выступающим венам. — Все это... — замолкаю, тщетно пытаюсь подобрать слова. — Свадьба оказалась такой масштабной. Я не ожидала, что она будет настолько грандиозной. Но твой отец...

Его руки мгновенно напрягаются под моими ладонями.

— Никогда не упускает возможности покрасоваться, да? — в его голосе звучит резкая нотка напряжения, от которой я невольно морщусь.

Я разворачиваюсь в его объятиях, обнимаю за шею и внимательно всматриваюсь в его лицо: в слегка взъерошенные светлые волосы, в напряженные уголки рта, в жесткий, почти ледяной взгляд карих глаз.

Отец Максима всегда был болезненной темой для него. Особенно с тех пор, как он занял пост генерального директора в Solitar Capital — инвестиционной компании, которую Сергей Федорович создал с нуля. Три года назад Макс принял бразды правления, но его отец до сих пор не готов полностью отойти от дел: вмешивается в каждое решение, контролирует каждый шаг, не оставляя сыну пространства для маневра.

Максим никогда особо не распространялся об их отношениях, но я чувствую: между ними всегда была непростая, напряженная дистанция. И это неудивительно — ведь Сергей Федорович по натуре человек холодный, высокомерный и надменный. Мне он никогда не нравился — всякий раз я испытываю искреннее облегчение, когда удается избежать общения с ним.

— Неважно, — с улыбкой отвечаю я. — Все позади. Мы женаты. А значит, ты теперь навсегда со мной.

В его взгляде мелькает что-то неуловимое — я не успеваю распознать эмоцию, — но в тот же миг он наклоняется и отвлекает меня легким прикосновением губ к моим губам.

— Не могу представить лучшего способа провести вечность, — шепчет он.

Сначала он слегка прикусывает мою нижнюю губу, а затем страстно целует, крепко прижав меня к себе.

Когда он наконец отстраняется, мы оба тяжело дышим. Я чувствую, как возбуждение пронизывает все тело. Макс улыбается — медленно, с лукавым огоньком в потемневших от желания глазах.

— Чем планируем заняться сегодня? — хрипло спрашивает он. Губы у него заметно припухшие. — У меня есть несколько идей.

Я не могу сдержать смеха и выразительно приподнимаю брови:

— Если в них участвуем я, ты и та кровать... — киваю в сторону нашего номера через его плечо, — то я за.

Его улыбка становится шире. Он наклоняется, подхватывает меня на руки — точно так, как положено нести невесту.

— Ты читаешь мои мысли, малышка.

Мы проводим вместе весь день и всю ночь. Лишь на следующее утро наконец выходим из номера — чтобы начать день с плотного завтрака в ресторане отеля.

Одна стена заведения состоит из больших раздвижных стеклянных дверей — сейчас они распахнуты. Солнечный свет льется внутрь, а гости могут свободно выходить на открытую веранду.

В зале многолюдно, но официантка быстро подходит к нашему столику. Она принимает заказ, и Максим откидывается на стуле, не отрывая от меня взгляда.

— Ну, какие у нас планы на сегодня? — задумчиво спрашивает он, демонстративно разминая спину и шею. — Думаю, в какой-то момент стоит добавить в список массаж для двоих... Мне нужно избавиться от зажимов — после того, как ты меня использовала.

Я задыхаюсь от возмущения:

— Использовала тебя?! Если кто-то кого-то и использует, так это ты меня!

Он заливается смехом, одаряет меня бессовестной ухмылкой и подмигивает:

— И я еще использую тебя, если захочешь.

Мы прилетаем поздно после свадьбы — едва хватает сил добраться до постели и уснуть... крепко.

— Знаю, — отвечаю я. — Но мы так давно не проводили время вдвоем, только ты и я. И теперь, когда свадьба позади, я хочу просто быть с тобой.

— Мы можем быть вместе и в постели, — замечает он как раз в тот момент, когда официантка появляется с тарелками еды. Ее щеки уже розовеют. Я чувствую, как сама начинаю краснеть, понимая, что она наверняка слышала наши слова.

Максим терпеливо ждет, пока официантка уйдет, а затем спрашивает, бережно беря мою руку в свою:

— Почему теперь все ощущается иначе?

— Что именно? Что мы женаты? — Я всерьез задумываюсь, нахмутив брови. — Хотя мы вместе уже год, теперь в наших отношениях появился новый слой. Наверно, из-за необратимости... — Я смотрю на свое кольцо, не высвобождая руки из его ладони. — Раньше мы могли просто уйти, а теперь... — Приподнимаю плечо. — Технически можем, конечно, но теперь есть документы.

— Терпеть не могу бумажную волокиту, — говорит Максим, слегка приподняв бровь. Лицо становится серьезным: он осторожно проводит пальцем по моему обручальному кольцу, затем отпускает руку и берет столовые приборы, принимаясь за завтрак.

Разговор плавно переходит на менее серьезные темы — мы наслаждаемся едой.

Позже я встаю и иду в туалет. Когда возвращаюсь, стол уже убран, а Максим, прищурившись, сосредоточенно смотрит в телефон.

Я снова занимаю свое место. Он тут же поднимает взгляд, откладывает телефон и дарит мне теплую улыбку.

— Все в порядке? — спрашиваю я.

Максим приподнимает подбородок:

— Это просто Данила, — поясняет он, имея в виду своего операционного директора и лучшего друга. Бросает короткий взгляд на телефон — брови едва заметно сдвигаются.

Но когда он снова смотрит на меня, лицо у него совершенно спокойное. Я невольно думаю: не привиделась ли мне та тень беспокойства, что мелькнула мгновение назад?

— Он просто хотел сообщить о проблеме в компании. Но он справится, — добавляет Макс.

— Хорошо, — легко отвечаю я. — Тур начинается только через три часа. Может, сначала поплаваем?

Он ухмыляется, и взгляд его теплеет:

— Шанс увидеть тебя в бикини? Как я могу отказаться?

Остаток дня пролетает словно в дымке — солнце, вино и вода сливаются в одно яркое воспоминание. Когда мы возвращаемся в отель, кожа пахнет солью, а я ощущаю приятную усталость: день выдается насыщенным — жара, прогулки и бокал-другой вина делают свое дело.

Мы бронируем столик в том же ресторане, где завтракали. Максим наблюдает, как я переодеваюсь в легкое кокетливое платье, и в его глазах читается искренняя забота.

— Ты точно не хочешь заказать еду в номер? — спрашивает он, приближаясь и нежно проводя пальцем по моей щеке. — Ты выглядишь уставшей.

Я задумываюсь на мгновение, взвешивая варианты, но потом качаю головой:

— Нет. Если останемся в номере, я точно усну, а потом не смогу заснуть ночью.

— Ладно, — с легкой улыбкой соглашается он и обнимает меня.

Мы замираем в объятиях, наслаждаясь близостью. Но вскоре его руки начинают медленно скользить по моему телу, вызывая легкую дрожь. Когда ладони опускаются на талию и ниже, я не сдерживаю смешок и слегка отталкиваю его.

— Я просто даю тебе почувствовать, чего ты лишишься, — с лукавой ухмылкой говорит он. — Уверена, что не хочешь передумать?

— Оставь свои соблазны при себе, — с напускной строгостью отвечаю я.

Он заливается смехом и идет за мной, пока я надеваю босоножки с ремешками и выхожу из номера.

Я искренне радуюсь, что мы решили поужинать неподалеку от отеля. Даже недолгая прогулка до ресторана отдается легкой болью в ногах — все-таки день выдался активным.

Хостес провожает нас к столику на открытой веранде. Солнце уже скрылось за горизонтом, но воздух по-прежнему горячий и влажный. Усаживаясь, я поднимаю тяжелые пряди волос с шеи.

Перед нами открывается завораживающий вид на океан. Яркая луна заливает серебристым светом волнующуюся поверхность воды, придавая пейзажу почти мистическое очарование. Я глубоко вздыхаю, впитывая эту красоту.

— Это место... — тихо выдыхаю я, оборачиваясь, чтобы поблагодарить хостес, которая кладет меню передо мной.

Максим издает согласный звук, уже погрузившись в изучение своего меню. Я с улыбкой беру свое.

Останавливаюсь на салате с курицей и делаю заказ. Мы откидываемся на спинки стульев, наслаждаясь умиротворяющей тишиной — пока на столе не начинает вибрировать телефон Макса.

Он мельком взглядывает на экран, но не берет трубку, снова переводя взгляд к океану. Через некоторое время вибрация стихает, но я замечаю, как едва заметно дергается мускул на его челюсти.

Я хмурюсь, но, прежде чем успеваю задать вопрос, телефон снова оживает — на этот раз с настойчивой, непрерывной вибрацией. Лицо Макса с каждой секундой становится все напряженнее.

— Все в порядке? — мягко спрашиваю я.

Словно мой голос дает ему разрешение, он бросает на меня извиняющийся взгляд и берет телефон. Пальцы быстро бегают по экрану, затем он откидывается на стуле. Но уже через мгновение снова яростно набирает сообщение, а выражение лица становится жестче.

Я терпеливо жду, но спустя несколько минут он по-прежнему не отрывает взгляда от экрана, а его брови все сильнее сходятся на переносице.

— Макс, — зову я.

— А? — рассеянно отзывается он, не поднимая глаз.

— Максим, — в моем голосе звучит твердость.

Наконец он смотрит на меня. Что-то в моем взгляде заставляет его лицо смягчиться.

— Никаких дел, помнишь? Ты обещал мне, — я натянуто улыбаюсь. — Медовый месяц, помнишь? Только мы.

Он смотрит на меня несколько секунд, крепко сжимая телефон в руке. Затем выдыхает, расправляет плечи:

— Прости, — тихо говорит он. — Данил...

— Ты доверяешь ему? — твердо спрашиваю я.

Он моргает:

— Конечно.

Я встречаюсь с ним глазами, не отводя взгляда:

— Он справится с этим на две недели, верно? В конце концов, за это ему и платят.

На мгновение его глаза затуманиваются, но затем лицо смягчается. Он убирает телефон в карман:

— Ты права, малышка. Никаких дел.

С облегчением я наклоняюсь через стол и беру его руки в свои, нежно поглаживая костяшки пальцев.

— Спасибо, — тихо говорю я. — Я просто хочу насладиться этим временем с тобой, прежде чем мы вернемся в реальность.

Его взгляд встречается с моим — теплый, полный любви. Внутри что-то успокаивается, напряжение тает, когда он улыбается.

— Я тоже, — шепотом отвечает он, сжимая мои пальцы. — Хотел бы я, чтобы мы могли остаться в этом моменте навсегда.

— У нас будет много таких моментов, — уверяю я его. — Но медовый месяц — только один.

Эти слова сами срываются с языка. Он театрально морщится, но в глазах играет нежность.

— Ладно, ладно, — с игривой улыбкой говорит он. — Обещаю, ты полностью завладела моим вниманием. Ты важнее всего остального, Лиза.

Не проходит и минуты, как телефон снова вибрирует. Лицо Максима мрачнеет, и хрупкий покой рассыпается в одно мгновение.

Он бросает на меня виноватый взгляд, достает телефон и выключает звук. Но в груди остается неприятный осадок. Я ловлю себя на мысли: то ли я слишком остро реагирую на его рассеянность, то ли, напротив, недооцениваю ее значимость.

Глава вторая

Следующий день мы проводим у бассейна отеля: потягиваем «Мимозу» и наконец-то по-настоящему отдыхаем — не в четырех стенах нашего номера. Мои ноги словно благодарят меня: боль в ступнях стихает, стоит опустить их в прохладную воду, а с каждым бокалом становится еще легче. К моменту, когда мы собираемся уходить, голова слегка кружится от алкоголя — и я решаю, что прогулка по пляжу станет идеальным способом проветриться.

— Ты точно не хочешь пойти со мной? — спрашиваю я, выходя из ванной.

Мой муж вальяжно раскинулся на огромной кровати: руки заложены за голову, ноги скрещены в щиколотках. На нем темные спортивные штаны, но без футболки. Мой взгляд невольно задерживается на нем, и в душе снова вспыхивает изумление: неужели этот мужчина действительно мой?

Его губы изгибаются в ленивой улыбке — и в животе тут же запархивают бабочки. Так же сильно, как в тот день, когда мы впервые встретились, буквально столкнувшись в дверях кафе.

— Точно, солнышко, — отвечает он; голос льется мягко, тягуче, лаская каждый нерв в моем теле. — Я уже сыт песком по горло. И, честно говоря, плохо спал прошлой ночью.

Он игриво подмигивает — и я краснею от смеси смущения и возбуждения.

Тепло пульсирует внизу живота, манит вернуться в постель. Но, внимательно вглядываясь в его лицо, я замечаю легкие тени под глазами.

В преддверии свадьбы он почти все время пропадает на встречах. Он настолько занят, что я едва успеваю его видеть. Когда я спрашиваю Максима, хочет ли он обсудить со мной что-то важное, он отвечает уклончиво. Разговоры неизменно заканчиваются тем, что он ловко уводит меня от вопросов.

Тревога подкрадывается снова, но я решительно отгоняю ее прочь.

— Ладно, — говорю я, подхватывая сумку и обувь. — Вернусь через пару часов. Но телефон при мне — если что, звони.

Он кивает; глаза уже полусонно прикрываются. Но я не могу устоять — наклоняюсь к кровати для последнего поцелуя. Почти сразу его рука обхватывает мою шею сзади, удерживает крепко, а язык проникает в мой рот, сплетаясь с моим в чувственном обещании.

Когда я наконец отстраняюсь с неохотным стоном, мой взгляд падает на его губы: он проводит языком по припухшей нижней губе, словно пытается сохранить мой вкус. Я приоткрываю рот, выдыхая, а его темные, расплавленные глаза снова ловят мой взгляд, притягивая, как магнит.

Я невольно наклоняюсь к нему — но тут же растерянно моргаю. Он усмехается, нежно поглаживая пальцами мою щеку:

— Прости, малышка. Ожог от щетины.

— Все нормально, — шепчу я и с легкой иронией добавляю: — Это не единственное место, где ты оставил свой след.

Его взгляд медленно скользит по моему телу, словно очерчивая каждый изгиб — будто он видит меня насквозь, прямо через легкое желтое летнее платье.

Я быстро отступаю назад — его рука безвольно опускается.

— Мне лучше уйти.

Он кивает, не отрывая взгляда, пока я выхожу и прикрываю за собой дверь спальни. Перед тем как покинуть номер, я проверяю, взяла ли ключ. Но мысли мои по-прежнему остаются там — в постели, рядом с мужем.

Почти с первого мгновения я понимаю: Максим Мирон — это он. Тот самый.

Наша встреча похожа на сцену из романтической комедии. Я выхожу из «Шоколадницы», а он как раз заходит, уткнувшись в телефон. Мы сталкиваемся — и латте с фундуком, который я держу в руке, разливается повсюду. К счастью, напиток успевает остыть и не обжигает кожу.

Макс без конца извиняется, настаивает на том, чтобы помочь оттереть пятна, и в итоге покупает мне новый кофе. Я опаздываю на занятие по йоге, но он уговаривает меня присесть за столик вместе с ним. Когда ему приходит время уходить, он уже дает мне свой номер и с очаровательной улыбкой просит позвонить — чтобы и у него был мой.

Перед лифтом я замираю, пытаюсь вспомнить, взяла ли телефон. Быстро обыскиваю сумку — телефона нет. Возвращаюсь, тихо приоткрываю дверь номера — на всякий случай, если он уже уснул. Телефон лежит там, где я его оставила. Но в тот момент, когда я хватаю его, из спальни доносится низкий голос:

— Все улажено.

Я застываю. Наверняка он слышит, как я вошла, но такой бесстрастный тон для него нехарактерен. Я не успеваю открыть рот, чтобы спросить, как он продолжает:

— Она ни о чем не догадывается. У меня все под контролем.

Он говорит по телефону. Внутри все опускается, тревожное ощущение скользит по позвоночнику, выскивая, куда вонзить когти. Мне не следует это слушать, но я словно приросла к месту, не в силах двинуться.

В его голосе появляется нотка нежности:

— Дорогая, тебе нужно доверять мне.

Когти вонзаются глубоко — сердце бешено колотится в груди.

Он говорит не с Данилой.

Меня будто окунают в ледяную ванну — все тело пронзает дрожь. Руки, сжимающие телефон, трясутся; внутренний голос вопит, призывая бежать, но я не могу сдвинуться с места.

— У меня все под контролем, — повторяет он. — Просто доверяй мне, Ник.

Мне кажется, будто я очутилась в сцене из фильма, где из чьей-то груди вырывается инопланетянин. Я прижимаю ладонь к сердцу, ощущая бешеный ритм под кожей. Представляю, как оно вырывается наружу — ломает кости, рвет мышцы, — и думаю: возможно, это было бы не так больно, как то, что только что делает со мной Максим.

Ника — его подруга. Они выросли вместе; их семьи были настолько близки, что даже ездили в заграничные отпуска. А еще она с первой встречи меня невзлюбила и никогда не упускает возможности ранить острым, как бритва, языком. Однажды я упоминаю об этом Максиму — просто говорю, что она заставляет меня чувствовать себя неловко. Но он отмахивается от моих переживаний, объясняя, что это просто ее характер и не стоит принимать ее слова близко к сердцу.

Больше я об этом не заговариваю. Она — часть его жизни, нравится мне это или нет. Впрочем, мне не приходится видеться с ней слишком часто, так что терпеть ее присутствие кажется не такой уж большой жертвой.

Даже после того, как я слышу, как она хихикает с подругами, обсуждая мою «недостаточную утонченность», щербатую улыбку и то, что я, по их мнению, слишком много о себе возомнила, решив, будто смогу удержать такого человека, как Максим Миров... Того самого, кто всегда говорил, что щель между моими передними зубами — невероятно очаровательна.

«Дорогая, поверь мне».

Я слышу приглушенные шаги — похоже, он ходит по спальне. Я отступаю назад, прячусь за приоткрытой дверью и в панике ищу оправдание на случай, если он зайдет и обнаружит, что я подслушиваю.

— Я получу подписи, когда вернусь. Как только все будет оформлено на мое имя, я с этим покончу, — говорит он.

Пауза, затем — короткий хмык. Я почти вижу, как он запускает руку в густые светлые волосы и рассеянно смотрит в пространство.

— Я уже объяснял тебе все до нашего отъезда, Ника, ради всего святого! Хватит драматизировать, ладно? Ты же знаешь: иначе было нельзя. Между нами слишком много обид.

«Между кем?» — мысленно спрашиваю я.

Он тяжело вздыхает:

— Слушай, сейчас я не могу это обсуждать. Мне нужно, чтобы ты еще немного подержала это в секрете. Ему ничего не нужно рассказывать...

Он усмехается, но в этом смехе нет ничего знакомого. Словно я слушаю незнакомца, а не человека, которому когда-то пообещала вечность.

— Мы все обсудим, как только я вернусь.

В горле встает тугой ком, будто оно сжимается. Резко вдохнув, я выхожу в коридор и медленно прикрываю дверь. Щелчок замка раздается как выстрел. Я отшатываюсь, широко раскрыв глаза, ожидая, что дверь распахнется и на пороге появится муж — с вопросами, с обвинениями.

Минута тянется бесконечно, но ничего не происходит. Остаться здесь больше невозможно. Особенно теперь, когда я точно знаю: говоря «я с этим покончу», он имеет в виду нас.

Резко развернувшись, я почти бегу к лифту, судорожно нажимая кнопку вызова. Двери наконец разъезжаются — и я с облегчением вижу, что лифт пуст. Но это едва приглушает бушующие во мне адреналин и панику.

Нажимаю кнопку вестибюля, достаю телефон, открываю список контактов. Пальцы дрожат, пока я лихорадочно прокручиваю список, нахожу нужный номер. Один гудок — и в динамике раздается голос:

— Лиза?

— Мне нужна помощь.

Глава третья

Лиза

Плавные движения волн, бьющихся о берег, словно нарочно подчеркивают бурю, что разразилась у меня в груди, мешая сделать полный вдох. Я оглядываю пляж, наблюдаю за людьми — и от их безмятежного счастья нервы натягиваются до предела.

Над головой шелестят пальмовые ветви. Теплый ветер бросает прядь волос мне на лицо — я нетерпеливо откидываю ее, прислушиваясь к тому, как Саша сыплет ругательствами, перебирая все, что только приходит ей в голову.

— Ну какой идиот называет любую женщину «дорогушей», если она не его жена и не партнерша? — шипит она. — Только полный кретин, вот кто. И он говорил это Нике? Ты точно уверена?

Я зарываюсь пальцами ног в зернистый песок, моргаю, пытаюсь сдержать слезы.

— Это точно была она.

Наступает тяжелая тишина, нарушаемая лишь прерывистым, яростным дыханием подруги.

— Может... — она резко втягивает воздух; на заднем плане глухо стучит что-то неуловимое. — Может, ты неправильно поняла? — слова вырываются сквозь стиснутые зубы.

Я поднимаю взгляд к небу, ищу в нем ясность — но ее там нет.

— Я все время слышу, как он говорит: «Ты должна мне доверять», — наконец произношу я. — Словно у них есть какой-то секрет, которого я не знаю. У него не должно быть секретов с другой женщиной, Саш. Хоть подруга, хоть кто. — Я зажмуриваюсь, изо всех сил стараюсь сдержать слезы. — Он не должен разговаривать с другой женщиной, когда мы всего три дня как в свадебном путешествии. Мой муж не должен называть никого «дорогушей» — словно она... словно она для него что-то значит.

— Я знаю, Лизочка, — ее голос звучит мягко, полон сочувствия. — Макс... — она запинается, но тут же продолжает: — Он любит тебя. Это видно любому. — Она старается говорить твердо, словно пытается убедить нас обеих, что все в порядке. — Ты правда думаешь, что он настолько хороший актер? Что может обмануть тебя и всех остальных?

— Он говорил не так, как мужчина, за которого я вышла замуж, — с болью признаю я. — Он звучал... иначе. Холоднее. Сказал, что собирается это прекратить. О чем еще он мог говорить, если не обо мне? Не о нас?

— Ты не можешь строить догадки, Лиз. Тебе нужно знать наверняка — особенно если ты думаешь о чем-то радикальном.

Я понимаю: она пытается меня успокоить, удержать от необдуманных поступков, заставить мыслить логично. Но...

— Он строил с ней планы, Саша! Планы, по которым вернется из нашего свадебного путешествия — и сразу пойдет к ней. Это звучало так... — Мне кажется, будто я глотаю осколки стекла, но я заставляю себя произнести следующие слова: — Это звучало так, словно они...

Я не могу закончить фразу, но в этом и нет нужды — Саша резко вдыхает.

— Ты думаешь, он тебе изменяет? — ее голос рвет тишину, как удар хлыста, настолько громкий, что в трубке слышится легкое потрескивание. — С Никой?

— А что еще он мог иметь в виду? — требую я ответа, но тут же замолкаю, дожидаясь, пока мимо пройдут двое, обняв друг друга за талию. — Она всегда меня ненавидела. И, возможно, теперь мы знаем почему.

Наступает напряженная тишина.

— Нам нужно больше информации, прежде чем делать выводы, — неохотно признает подруга.

И я не могу с этим не согласиться. Но и согласиться до конца не получается.

Вместо этого я спрашиваю:

— Но что мне делать прямо сейчас?

Мне ненавистен этот потерянный оттенок в собственном голосе — я знаю, что она его услышит и поймет. Мы дружим со средней школы, и, кроме отца, никто не знает меня лучше нее.

Она тихо вздыхает.

— Ты можешь поговорить с ним прямо сейчас, спросить, в чем дело. Но если ты ошиблась в том, что услышала...

— И что, просто ждать, пока он к ней не пойдет? — перебиваю я.

Она отвечает тихим неопределенным звуком — ясно, что и ей такой план не по душе.

— Наверное. А потом потребуешь ответов.

— Я не знаю, как это сделать, — шепчу я, подтягивая колени к груди и укладывая на них подбородок.

— Соберись, Лиза, и играй роль до конца. Переиграй его — притворяйся, что все в порядке, пока не вернешься домой.

— А потом?

— Потом ты узнаешь правду. И если все так, как ты подозреваешь, сбежишь от Максима Мирово — и как можно дальше.

Я тихо всхлипываю: эмоции наконец захлестывают меня. Правая рука безвольно лежит на коленях; бриллианты на золотом ободке кольца сияют, словно насмехаясь.

— Я думала, он — моя вечность, — шепчу я, сжимая руку в кулак и отводя взгляд. — Я думала...

Голос срывается. Я плотно сжимаю губы, не желая поддаваться нахлынувшим чувствам. Знаю: если дам им волю, уже не смогу взять себя в руки.

— Я знаю, — мягко говорит она. — Все будет хорошо. Мы пройдем через это вместе.

В руке вибрирует телефон. Я отнимаю его от уха — новое сообщение от мужа:

Максим: Привет, малышка, где ты? Наш столик забронирован через час.

Приложив телефон к уху, я бормочу:

— Мне нужно идти. Он меня ищет.

Саша придает голосу твердости:

— Ты справишься, Лиз.

— Не чувствую, что справлюсь, Саш. Я, как сломанная кукла.

— Ну, чувствуешь ты так, а на деле — нет. — В ее голосе слышится легкое раздражение, и я невольно улыбаюсь. — Как только вернешься, я тебя заклею скотчем...

— Я думала, я не сломанная кукла, — перебиваю я, но она не обращает внимания.

— А потом мы будем пить текилу, пока лица не онемеют и пока не вывернет наизнанку.

Телефон снова вибрирует — еще одно сообщение от Максима. Он начинает волноваться. С неохотой завершив разговор с Сашей, я встаю и отряхиваю песок с ног. Знаю: я уже никогда не буду воспринимать Мальдивы так, как прежде. Бросив на пляж последний тоскливый взгляд, я направляюсь обратно в отель — готовиться к встрече с мужем.

Я рада, что мы решили поужинать сегодня в новом ресторане. Но обстановка здесь оказывается чересчур интимной: приглушенный свет, тени в углах, мерцающие свечи в центре каждого столика. Тихо — голоса других посетителей доносятся словно издалека, создавая иллюзию уединения. Однако мне невыносимо трудно смотреть Максу в глаза.

Каждый кусочек пищи кажется горьким пеплом. Проглотить его почти невозможно.

Максим проглатывает кусок и с недоумением смотрит на мою полную тарелку пасты:

— С едой что-то не так?

— Нет, — отвечаю я, изящно пригубив шардоне. Прохладный напиток скользит по горлу слишком легко. — Просто, кажется, сегодня перележала на солнце.

Он доедает, откладывает приборы, по-прежнему с любопытством наблюдая за мной.

— Надо было остаться и поспать со мной, — тихо усмехается он, протягивает руку через стол и берет мою ладонь. Я усилием воли опускаю плечи, мобилизую всю выдержку, чтобы не выдернуть руку из его хватки.

— Можем лечь пораньше, — предлагает он, поглаживая большим пальцем мои костяшки.

Я смотрю, как его палец скользит по моему обручальному кольцу — точно так же, как накануне вечером. В груди сжимается, дыхание перехватывает; мне хочется вырвать руку, сорвать кольцо и швырнуть его ему в лицо.

— Что скажешь? — продолжает он, не замечая моего состояния. — Возьмем десерт с собой, устроимся в постели и включим фильм.

Я поднимаю взгляд: его шоколадные глаза теплеют, встретившись с моими.

До сегодняшнего дня этого было достаточно — одного плавающего взгляда, прикосновения его кожи к моей, того, как он проводил пальцем по своей полной нижней губе. Он знал это. Превратил в искусство изучение моего тела и моих реакций, выучил, что нужно сделать, чтобы у меня перехватило дыхание, внизу стало влажно, а в груди вспыхнуло острое, жгучее желание.

Сейчас же я чувствую лишь, как в моих венах застывает лед. Моя рука безвольно лежит в его ладони, а в ушах эхом отдается его разговор с Никой. Я опускаю ресницы, отчаянно пытаюсь укрыться от его пристального взгляда.

— Прости, Макс, — шепчу я. — Думаю, я просто хочу спать. У меня жуткая головная боль.

Сквозь опущенные ресницы я вижу, как его брови сходятся к переносице — желание сменяется беспокойством.

— Ты не заболела, нет? — Он наклоняется ближе, его рука отрывается от моей, словно он хочет потрогать мой лоб. Я небрежно отстраняюсь, делая вид, что не заметила, и заменяю бокал с вином стаканом воды.

— Нет, — тихо отвечаю я. — Просто перележала на солнце, как я и сказала. И, кажется, все навалилось разом. — Я слабо улыбаюсь. — Эти несколько недель были непростыми.

Он откидывается на спинку стула, его хмурое выражение слегка смягчается.

— Ты действительно вложила в организацию свадьбы всю себя. Это был потрясающий день.

Я киваю и обвожу взглядом ресторан, отчаянно пытаюсь найти, на чем сосредоточиться, кроме него.

— Все говорили, что отлично провели время, — произношу я и вдруг чувствую, как внутри поднимается дьявольский огонек. Он подталкивает меня добавить: — Даже Ника, похоже, веселилась.

Я снова смотрю на него, изображая скромную, невинную улыбку.

Он пожимает плечами, его челюсть напрягается.

— Я не заметил.

Слова звучат фальшиво, но я не могу понять — то ли это мои домыслы, то ли правда. Раньше я никогда не беспокоилась из-за его дружбы с Никой. До сегодняшнего дня.

Обычно я не склонна к неуверенности в себе и считаю, что мужчины и женщины вполне могут дружить без намека на романтику. Даже когда Ника бросала в мою сторону колкие замечания, я не думала, что между ними что-то есть. Максим всегда относится к ней так же, как ко всем остальным.

Теперь же я пересматриваю всю нашу историю под новым углом, гадая, когда началось предательство — и было ли между нами вообще что-то настоящее. Вспоминаю все те разы,

когда он задерживался на работе, отменял свидания и поездки, все оправдания, которые он мне когда-либо приводил.

Был ли он с ней?

Думал ли о ней, когда был со мной?

Занимался ли со мной любовью, представляя лицо Ники?

Вино неприятно оседает в пустом желудке, вызывает спазм, во рту скапливается слюна. Должно быть, я морщусь — Максим тут же встает и обходит стол. Нежно берет меня за локоть и поднимает.

— Пойдем, дорогая. Давай уведем тебя отсюда.

Я тщетно пытаюсь найти предлог отстраниться, но ничего не приходит в голову. Позволяю ему вывести меня из ресторана и отвести обратно в отель, размышляя о том, как один день — один разговор — может разрушить все.

Глава четвертая

Максим провел меня в наш номер и помог подготовиться ко сну. Он даже выдавил зубную пасту на мою щетку и не отходил ни на шаг, пока я не прогнала его.

Он зорко следил, как я забираюсь в постель, а внутри у меня царила странная пустота. Все казалось ненастоящим: каждое движение, каждое слово, малейшее изменение в его лице... Все окутывала пелена подозрений, и я гадала, что же он задумал на самом деле.

Он лег рядом, повернулся на бок — матрас прогнулся, и меня невольно потянуло к нему. Я напряглась, хотя он обнял меня и крепко прижал к себе. Словно боялся, что я вот-вот исчезну.

На миг — всего на удар сердца — я представила, как приникаю к нему, утыкаюсь лицом в мягкий пушок на его груди. Так легко было притвориться, будто этого дня никогда не было. Не в силах удержаться, я расслабилась в его объятиях, позволяя теплу его тела успокоить меня. Он коснулся губами моей скулы, щеки, уголка рта — и в тот самый миг, когда я была готова сдаться, он заговорил:

— Дорогая... — прошептал он.

Боль перехватила дыхание — такая острая, что я сжала губы, лишь бы не вырвался ни единый звук. В темноте он не видел моей реакции, и я положила ладони ему на грудь, мягко отстраняя его.

— Прости, — прошептала я, вплетая в голос нотку раскаяния. — Голова... Просто... Думаю, мне нужно поспать.

Он прижался щекой к моей.

— Не извиняйся, — его низкий голос обволакивал меня, звуча одновременно так знакомо и так чуждо. — Ненавижу, что ничем не могу помочь. Может, стоит сходить к врачу? — с беспокойством спросил он.

Мне было душно рядом с ним — словно земля уходила из-под ног, а я вынуждена была притворяться. Осторожно отодвинулась, стараясь увеличить расстояние между нами. Провела рукой по его руке — нужно было сохранять видимость нормальности, и я отчаянно надеялась, что он не почувствует, как дрожат мои пальцы.

— Так лучше, — неуверенно произнесла я. — Просто лежать с тобой вот так... — Меня удивляло, как легко ложь слетала с языка. — Уверена, после хорошего сна я почувствую себя лучше.

— К счастью, эта кровать — словно облако, — тихо рассмеялся он. Он все еще был так близко, что я чувствовала мятный запах его дыхания.

Я отодвинулась еще — пока не оказалась на самом краю кровати.

— Может, когда вернемся домой, заменим нашу кровать? — задумчиво произнес он.

Я издала неопределенный звук, а в уголках глаз защипало от слез.

«Домой».

Он произнес это так легко, будто ничего не изменилось, но его слова лишь напомнили о другой неразберихе, которая ждала меня впереди.

Мы решили не жить вместе до свадьбы, но нашли идеальную квартиру и купили ее на двоих. Максим уже сдал свою прежнюю в аренду Даниле и предлагал мне продать мой коттедж, вложив деньги во что-то более выгодное. Я отказалась. Он не понял моих доводов, когда я напомнила, что коттедж оставила мне бабушка пять лет назад, после своей смерти. Но для него чувства не имели веса в деловых решениях.

Теперь я могла лишь благодарить судьбу за то, что мне не придется ломать голову над тем, где жить, или возвращаться к отцу.

Дыхание Максима стало ровным, медленным, глубоким — но мне сон не давался так легко. Я лежала, свернувшись клубочком на краю матраса, чувствуя, как слеза стекает по виску и впитывается в подушку.

Не знаю, сколько времени прошло, но, когда в груди стало тесно, а каждый вдох давался все тяжелее, я выбралась из кровати и перебралась на диван. Максим не заметил этого, и расстояние между нами наконец позволило мне погрузиться в тревожный сон.

Что-то скользнуло по моему плечу.

Я отмахнулась, глубже зарываясь в одеяло, но прикосновение повторилось — теперь тверже: оно буквально встряхнуло меня. Я застонала, с трудом разлепила тяжелые веки и встретила взглядом с Максимом — он нависал надо мной, губы были сжаты.

— Дорогая... — нож в самое сердце. — Что ты тут делаешь?

— Не могла уснуть, — хрипло ответила я, пытаюсь сесть и растирая ладонями горящие глаза. — Сколько времени?

— Чуть больше четырех, — ответил он, морщась. Присел на корточки — его лицо оказалось вровень с моим. Я настороженно наблюдала за ним: его тон заставлял тревожно звенеть все колокольчики внутри.

— Данила звонил. В Solitar чрезвычайная ситуация — он нуждается в моей помощи.

Я еще не успела собраться с силами: защита не выстроена, и моя реакция — неподдельная. Я ахнула, уставившись на него широко раскрытыми глазами. Ощущение такое, будто это последний гвоздь в крышку гроба, окончательно все подтверждающий.

У него связь с Никой. Он возвращается к ней. Наши отношения закончены.

— Ох... — Я отвела взгляд от его виноватого лица. — Ну, это же чрезвычайная ситуация, верно? Тут ничего не поделаешь.

Выдавливая дрожащую улыбку, подтягиваю плед к спинке дивана и встаю. По-прежнему не смотрю на него, когда он поднимается вслед за мной. Его рука тянется к моей шее, большой палец скользит по горлу.

— Мне так жаль, детка. Я все исправлю, клянусь, — обещает он, а потом добродушно ворчит: — Надо было знать, что Данилу нельзя оставлять за главного.

Слабое оправдание — я ведь знаю, что Данил вполне способен исполнять обязанности временного генерального директора. Но, видимо, мы оба притворяемся, что это не так.

Максим наклоняется и нежно целует меня в щеку. Я зажмуриваюсь, напоминая себе: нельзя отстраняться. Пока нельзя.

— Может, вернемся сюда на годовщину?

Если я больше никогда не ступлю на эти острова — будет в самый раз.

— Звучит неплохо, — бормочу я. — Во сколько наш рейс?

— Через час. — В его голосе звучит вопрос, и я поднимаю на него глаза. Он хмурится, во взгляде — странное выражение. — Лиз, у тебя все нормально? Ты какая-то не такая.

Понимая, что нужно продолжать игру еще немного, я поднимаю руку и кладу ладонь на его щеку, ощущая покалывание щетины.

— У меня все нормально, милый. — Он явно не убежден: его глаза ищут ответы в моих. Поэтому я добавляю: — Просто плохо спала. Думаю, все еще отхожу от того, что случилось вчера. На самом деле я даже рада, что мы возвращаемся домой.

Его плечи чуть опускаются.

— Я позвоню риелтору, договорюсь забрать ключи, как только прилетим. И свяжусь с транспортной компанией — попробую организовать доставку моей мебели из хранилища.

— Хорошо. — Я облизываю губы, отводя взгляд. Вынуждаю себя улыбнуться шире, надеясь, что улыбка не выглядит такой хрупкой, какой ощущается.

— Ты уже упаковала вещи дома? — спрашивает он. — Могу попросить грузчиков забрать и твои вещи заодно.

Радуюсь, что на этот раз могу сказать правду, я качаю головой:

— Еще нет. До свадьбы не успела, но теперь у меня целый месяц отпуска — времени хватит.

Я работаю менеджером по персоналу в небольшой стартап-компании, и почти все коллеги пришли на свадьбу. Мысль о том, чтобы вернуться на работу и встретиться со всеми, почти вызывает приступ тошноты.

— Отлично сработано, — говорит он, кладет обе руки мне на плечи и мягко направляет в сторону спальни. Легко шлепает меня по ягодице. — Тогда вперед. Не хотелось бы опоздать на самолет.

Полет проходил в тишине — в частном джете, кроме нас, был лишь один бортпроводник. Едва мы заняли места, Максим достал ноутбук. Его пальцы быстро забегали по клавишам, а лицо стало серьезным и сосредоточенным.

Попросив у бортпроводника плед, я поджала под себя ноги и заснула под стук клавиш и его раздраженные вздохи.

Спустя какое-то время Макс разбудил меня, встряхнув за плечо. В полусонной дымке между сном и явью я на миг забываюсь. На одно биение сердца мир снова кажется правильным — я мягко улыбаюсь ему.

— Мне теперь придется привыкать к тому, что ты меня будишь?

Он улыбается в ответ, взгляд теплый — и в этот момент реальность обрушивается на меня всей тяжестью.

— Я найду более приятный способ тебя разбудить, — обещает он, наклоняется и быстро целует меня в губы. — Мы почти на месте.

Реальность подкрадывается медленно, исподволь. Я едва сдерживаюсь, чтобы не стереть его поцелуй с губ. Отвожу взгляд, выпрямляюсь в кресле, поправляю волосы.

Мое душевное состояние напоминает склейку из поспешно собранных осколков: хрупкое, но пока держится. Я благодарна хотя бы за это — впереди еще немало мин, которые нужно обойти, прежде чем я смогу вырваться.

— Ты сказала отцу, что мы возвращаемся раньше? — небрежно спрашивает Макс. Я ненавижу себя за то, что ловлю каждый слог, пытаюсь отыскать скрытый смысл в его словах.

— Нет, — отвечаю я. — Хотела сделать ему сюрприз к ужину.

Он смотрит на меня, широко раскрыв глаза:

— О?

Я приподнимаю брови, стараясь выглядеть наивно сдержанной:

— Ну, я думала, ты будешь занят своим «чрезвычайным положением». К тому же будет приятно с ним повидаться. После свадьбы я почти не видела его.

Он проводит большим пальцем по нижней губе, взгляд настороженный:

— Логично. Возможно, я успею все уладить к...

— Нет, милый, — перебиваю я, накрывая его руку своей. — Я вздремнула и теперь полна сил. У тебя впереди тяжелый день, и, уверена, к ужину ты вымотаешься. Разберись со своими делами, а потом отправляйся домой спать.

Делаю паузу, широко раскрываю глаза, изображая внезапное озарение:

— Знаешь что? Ты сразу поезжай на работу, а я загляну в агентство недвижимости за ключами. Так я смогу подготовить для тебя постель — все будет готово к твоему приходу.

В его глазах вспыхивает благодарность:

— Вот почему я женился на тебе.

Мне требуется огромное усилие, чтобы скрыть боль за маской спокойствия. Я еще раз поглаживаю его пальцы, затем отнимаю руку и сжимаю ее в кулак, притворяясь, что не чувствую тепла его кожи на своих кончиках.

— Просто хочу заботиться о тебе, как ты заботишься обо мне, — говорю я, и слова обжигают язык, словно кислота.

— Спасибо, дорогая.

Я отворачиваюсь к окну, делая вид, что поглощена видом за бортом. Притворяюсь, будто каждый раз, когда он называет меня так, это не режет меня тупым ржавым ножом.

Глава двадцать третья

Когда я устраиваюсь на барном стуле в роскошном баре «Астория», руки все еще дрожат. Заказываю белое вино у приветливого бармена.

Отец был прав: чувства не отключаются по щелчку. Я наивно полагала, что дистанция, которую сама между нами установила, станет щитом от эмоций... Но Максим по-прежнему остается человеком, целый год бывшим моей жизнью, человеком, с которым я собиралась провести всю жизнь. Пусть даже он оказался отъявленным лжецом. Любовь никуда не исчезает — лишь тонет в волнах обиды и гнева.

Пятнадцать минут пролетают незаметно. Вино почти допито, а от моего кавалера — ни весточки. Я хмурюсь, размышляя: не застрял ли он в пробке? Раздражает, что он даже не предупредил о возможном опоздании.

Как только эта мысль приходит в голову, телефон в моем клатче на стойке вибрирует. Достаяю его — сообщение:

Глеб: Привет, Лиззи? Не смогу сегодня прийти.

Глеб: У мамы ЧП с котом, нужно помочь. Очень жаль.

Глеб: Саша прислала мне твоё фото. Давай перенесем встречу?

Глеб: Я свободен в любой вечер, кроме пятницы. Мы с мамой играем в бридж.

Смотрю на экран — с каждым новым сообщением рот открывается все шире. Он что, шутит? Слова не меняются, и из меня вырывается истерический смешок. Открываю переписку с Сашей — пальцы мечутся по экрану:

Лиза: Кавалер слинял. Что-то про кота его мамы. Ты правда отправила ему ФОТО? Что за бред, Саш?!

Саша: Ты сейчас серьезно? Честно, не пойму.

Отправляю ей россыпь разъяренных эмодзи — и тут телефон оживает звонком. Поднимаю к уху, кипя от негодования:

— Саша! Зря я тебе доверилась. Могла бы хоть сказать, чем он зарабатывает на жизнь!

Она фыркает — в голосе лишь тень раскаяния:

— Если честно, я и сама не помнила. Что-то связанное с ручками, кажется... — Пауза.

— Боюсь спрашивать, но... что он там делает с маминой киской?

Я как раз делаю солидный глоток вина — и тут же выплевываю его на барную стойку. Бармен с улыбкой наблюдает, протягивает салфетку и убирает брызги:

— У вас все нормально?

Поворачиваюсь — рядом присаживается мужчина. Наши взгляды встречаются: его глаза — глубокие, цвета полуночи. Он высокий, почти как Максим, а черные как смоль волосы небрежно зачесаны назад.

— Мне надо идти, — шепчу в трубку. Саша тут же начинает возмущаться.

Неуклюже ищу кнопку завершения вызова — но поздно: мужчина приподнимает брови, услышав ее вопль из динамика:

— Хочу послушать про киску!

Он поджимает губы, в глазах искрится юмор:

— Интересная ночь, да?

Убираю телефон, аккуратно промокаю салфеткой остатки вина на подбородке.

— Э-э... — бормочу, игнорируя сдавленный смех бармена. — Пожалуй, можно и так сказать.

Мужчина обращается к бармену:

— Виски, чистый. — Окидывает взглядом полки за стойкой. — «Макаллан», если есть.

Бармен отходит за напитком, а он опирается локтем о стойку, поворачиваясь ко мне:

— Рассказывайте про киску.

Бросаю взгляд в спину бармена — тот хихикает. Втягиваю воздух сквозь зубы. Мужчина не сводит с меня глаз, и я не выдерживаю: смех вырывается наружу, а лицо заливают жаром стыда.

— О боже... — поднимаю обе руки, закрывая пылающие щеки. — Все не так! Мы говорили про кота. В прямом смысле про кота. — Он слегка разочаровывается. — У меня было свидание вслепую, но он меня кинул.

— Из-за кота? — Он удивленно вскидывает брови, а потом его взгляд медленно, оценивающе скользит по мне.

Я невольно скрещиваю ноги. Пока он следит за этим движением, я пользуюсь моментом, чтобы рассмотреть его: четкая линия чисто выбритой челюсти, орлиный нос, отлично сидящий костюм, не скрывающий стройной фигуры. Кончиком языка касаюсь нижней губы — на ней остается капелька вина. Его взгляд тут же возвращается к моему лицу. Бармен ставит перед ним напиток, но он даже не смотрит в ту сторону.

Уголок его рта приподнимается в улыбке, и я вдруг понимаю, что так и не ответила на вопрос.

— Похоже, у его мамы действительно случилось что-то с котом.

— Вы шутите? — Я качаю головой, и он смеется. — Это либо крайне неудачная отговорка, либо чересчур продуманная.

— Я склоняюсь к первому варианту, — признаюсь я.

— Что ж, видимо, его неумение принимать решения пошло мне на пользу, — негромко произносит он. — Я сегодня один и был бы не против компании. — Он наклоняет голову, в глазах искрится интерес. — Позвольте мне заказать вам напиток.

Его слова звучат не как вопрос — он уже смотрит на бармена:

— Еще один для дамы, пожалуйста.

Затем он вновь поворачивается ко мне, слегка наклоняется, создавая иллюзию уединения, будто в этом баре были только мы вдвоем. Меня окутывает аромат его одеколона — пряный, мужественный.

— Не могу оставить такую красивую даму сидеть без напитка, особенно после того, как предыдущий был потрачен впустую.

Мои щеки снова теплеют, но на этот раз не от смущения.

— Спасибо, — говорю я. — Хотя с вашей стороны не очень по-джентльменски напоминать об этом.

— Я никогда не претендовал на звание джентльмена, — парирует он. Улыбка становится острее, а в темных глазах мелькает что-то хищное. — Как вас зовут?

Я протягиваю ему руку:

— Лиза.

— Владимир. — Он берет мои пальцы, но не пожимает их. Вместо этого переворачивает мою ладонь и прижимается губами к костяшкам — у меня внутри все замирает. — Приятно познакомиться, Лиза.

Стараясь скрыть волнение, я высвобождаю руку.

Не смущаясь моей сдержанностью, он продолжает:

— Итак, Лиза, почему свидание вслепую?

Разговор легко перетекает в непринужденную беседу. Наш флирт достаточно игривый — мои щеки то и дело заливаются румянцем. Я с изумлением смотрю на телефон: проходит уже три часа — и еще два бокала вина.

Я говорю, что пора уходить, и наблюдаю, как он опускает подбородок, глядя на меня сквозь черные ресницы.

— Или мы могли бы снять номер, — предлагает он, накручивая на палец прядь моих волос.

Я обдумываю его предложение. Изначально я планировала найти кого-то, кто помог бы мне забыть Максима. С тех пор как Владимир сел рядом, я о нем не вспоминаю. Но после всего, что произошло, не могу просто притвориться, что между нами все кончено.

— Я вижу ответ на вашем лице, — тихо говорит Владимир, вновь привлекая мое внимание. Он наклоняется ближе — его губы почти касаются моего уха. Дыхание обжигает, заставляя меня вздрогнуть. — Если я попрошу ваш номер, вы хотя бы дадите его мне?

Я судорожно вдыхаю, но скрываю это за легким смешком:

— Не вижу причин отказываться. — Я смотрю на него строго. — У вас ведь нет кота, правда?

Он отстраняется, подняв ладонь:

— Никаких котов, — шутит он и жестом просит передать ему телефон. — Знаете, что, я сам введу свой номер — тогда все будет в ваших руках.

Я достаю телефон из клатча и протягиваю ему. Он нарочито медленно касается моих пальцев, беря его, и одаривает лукавой улыбкой.

— Вот, — говорит он, возвращая телефон и наблюдая, как я убираю его. — Теперь вы можете позвонить мне, когда разберетесь со всеми своими запутанными обстоятельствами.

— Как вы...

Он приподнимает плечо:

— Я юрист. — Уголок его рта дергается. — В моей профессии важно быть наблюдательным. — Он снова смотрит на меня. — А еще вы можете просто позвонить, если захотите встретиться. Мне всегда не хватает друзей.

Я смотрю на него с сомнением:

— Что-то подсказывает мне, что это неправда, — сухо говорю я. Он не возражает. — Спасибо, что скрасили мой вечер.

Он делает вид, что оскорблен, но игривый блеск в глазах выдает его:

— Только немного скрасил? Эх, мне нужно стараться лучше.

Я смеюсь, не в силах сдержаться, — его взгляд теплеет.

— Буду рада дать вам несколько советов.

Он снова наклоняется ко мне, его пальцы ласково проводят по моей щеке:

— Надеюсь, вы позвоните, Лиза.

Я улыбаюсь, но не даю обещаний. Встаю и надеваю жакет:

— Спасибо за компанию, Владимир.

— Мой вечер был бы скучным без нашей случайной встречи, так что спасибо вам. — Он поднимается и мягко целует меня в щеку, шепнув на ухо: — У вас есть мой номер. Надеюсь, вы им воспользуетесь.

Щека горит. Я чувствую смятение, запинаясь, произношу последнее «до свидания», и торопливо выхожу. Только прохладный ветер немного развеивает алкогольный туман — и я понимаю, что еще не заказала машину. Отхожу в сторону, чтобы не мешать прохожим, и снова достаю телефон.

— Вам стоит лучше заботиться о себе.

Глава пятая

Что-то не так с моей женой.

Я смотрю на городской пейзаж Москвы. Не удивляюсь, увидев, как туман окутывает здания, погружая их в разные оттенки серого. По стеклам моего кабинета тихо стучат капли дождя, размывая очертания города.

Обычно, стоя на этом месте, я испытываю глубокое удовлетворение — для меня это символ того, как далеко я продвинулся. Но сегодня все иначе.

Перед глазами встает отстраненное лицо Лизы, мерцание свечей, подчеркивающее ее бледность. Темные круги под глазами — след ночи, проведенной на диване. А я даже не заметил, что она ушла из постели.

Чувство вины накатывает горячей волной.

Мне следовало отвезти ее домой, уложить в постель, убедиться, что с ней все в порядке. Вместо этого я оставил ее у офиса риелторов, пообещав встретиться позже в нашей новой квартире. И даже не смог назвать точное время — слишком много срочных дел требовало моего внимания.

Последние 24 часа Данил не переставая звонит мне. Я понимаю: игнорировать это нельзя — особенно зная, что отец все подстроил именно так. Какое еще время подойдет для его маневров, если не мой медовый месяц, когда меня нет в городе?

Я потираю заднюю часть шеи — там, где у основания черепа засел тугой узел напряжения.

С Лизой все будет в порядке. Она явно устала после поездки, пусть даже короткой. Неудивительно, что она измотана: организация свадьбы отняла у нее все силы — особенно после того, как отец самовольно пригласил более пятидесяти гостей в последнюю минуту.

Стук в дверь — и в кабинет входит мой помощник Антон с извиняющейся гримасой. За ним не спеша шагает Данил, игнорируя неодобрительный взгляд, который бросает на него мой помощник.

— Простите, Максим. Я знаю, вы просили не беспокоить, но он настаивал, — говорит Антон.

Я нетерпеливо смотрю на друга:

— Спасибо, Антох. Я разберусь.

Антон поправляет галстук-бабочку — сегодня в сине-белую полоску — бросает последний раздраженный взгляд на Данила, затем с достоинством приподнимает нос и выходит, закрыв за собой дверь.

Я перевожу взгляд на Данилу. Он выглядит чересчур довольным, опускаясь в кожаное кресло напротив моего стола.

Сложив руки за спиной, я приподнимаю бровь:

— Тебе обязательно злить моего помощника до того, как он выпьет третью чашку кофе? Ты же знаешь, он плохо переносит твои выходки в это время.

Он ухмыляется:

— Антон сам упрощает задачу. Не могу удержаться, чтобы не подразнить его.

Я сжимаю переносицу — голова пульсирует от боли.

— Мне нравится Антон, — устало говорю я. — Он эффективен и отлично справляется со своей работой. Не отпугивай его своими выходками. — Бросаю на него предупреждающий взгляд.

— Ты имеешь в виду, что он хорошо справляется с управлением тобой.

— Я не нуждаюсь в управлении.

— Да-да. — В глазах Данила мелькает блеск, не внушающий доверия. — В любом случае ты преувеличиваешь мои возможности. У меня нет власти прогнать Антона.

Я качаю головой, сдерживая слова, готовые сорваться с языка.

— Так... — начинает он, с любопытством глядя на меня. — Медовый месяц. Как он прошел?

— А как ты думаешь? — сухо отвечаю я. — Учítывая, что я вернулся спустя всего три дня. Лиза была разочарована, но, кажется, поняла. Вчера она плохо себя чувствовала, так что, возможно, это даже к лучшему.

Не уверен, кого я пытаюсь убедить — себя или его, — поэтому замолкаю, пока не срыгается еще больше бессмысленных слов.

— Она в порядке? — веселье Данила мгновенно гаснет, на лице проступает беспокойство.

— Будет в порядке.

— Ты ей сказал?

Я прищуриваюсь. Но проблема в том, что мы работаем вместе уже много лет — он прекрасно читает мои мысли. Не дожидаясь моих слов, Данил шумно выдыхает; сквозь зубы срыгается тихое ругательство.

— Ты потеряешь лучшее, что с тобой когда-либо случалось, приятель.

— Это не связано с Лизой, — сухо возражаю я. — И к нашему браку.

Он резко, язвительно смеется:

— И она, разумеется, в курсе. Она ведь шла на это с широко открытыми глазами, а?

Чувство стыда вновь скручивает меня, воспаляя все на своем пути, словно искра, поджигающая фитиль моего гнева.

— Хватит говорить о моей жене, — требую я сквозь стиснутые зубы.

Наши взгляды скрещиваются и застывают. Но первым отводит глаза Данил, бормоча что-то себе под нос. Я делаю вид, что не расслышал.

— Раз ты здесь, значит, у тебя есть для меня новости. Давай к делу. Я хочу знать все, чем он занимался.

Кажется, он готов проигнорировать меня, но затем на его лицо опускается маска профессионализма. Голос становится отстраненным:

— Твой отец проводит тайные встречи по всей стране. Встречи, — он намеренно делает акцент, — которые тщательно скрывает от официальной отчетности.

Я опускаюсь в кресло за своим столом и складываю руки перед собой.

— Так как же ты об этом узнал?

— Его помощница случайно включила меня в копию письма. После этого все было проще простого — словно собирать крошки.

Я приподнимаю бровь:

— И этого хватило?

Короткая пауза, легкая складка в уголках его рта — и он признается:

— Нет. Твой отец также встречался с одной моей знакомой. Она меня предупредила.

Внутри срабатывает бесшумная тревога.

— Знакомая, — повторяю я. Он кивает. — И кто же это?

— Макс...

— Назови имя, Данил.

Он выглядит откровенно раздраженным.

— Анна.

Я выдерживаю паузу, не отрывая от него взгляда. Он пытается смотреть куда угодно, только не на меня.

— И это та самая Анна, которая...

— Нам правда нужно все это ворошить? — ворчливо перебивает он.

Я повышаю голос, перекрывая его:

— ...проделала дырки в твоих презервативах, а потом заявила, что беременна? Та самая Анна? Та, у которой потом случился очень «удобный» выкидыш, а следом — помолвка с личным тренером? — Я натянуто улыбаюсь. — Просто хочу убедиться, что мы говорим об одном и том же человеке.

— Вот же... — рычит он. — Да, придурок, та самая Анна. С тех пор она сильно повзрослела.

— Правда? — мурлычу я, изображая наивное удивление и широко раскрывая глаза. — Значит, ты с ней иногда общаешься?

В его глазах вспыхивает паника.

— Нет, нет, я с ней не общаюсь. Мы просто... просто друзья в соцсетях. И время от времени переписываемся, знаешь, как это бывает со знакомыми.

— Не могу сказать, что проводил время с женщинами, пытавшимися подстроить мне беременность, — парирую я.

— Зато ты проводишь время с ядовитыми стервами, — резко бросает он.

Я пронзаю его яростным взглядом.

— Не испытывай меня, Данил.

— Я говорю только правду, — упорствует он. — Ты думаешь, Ника на твоей стороне, но это не так. Она просто знает, что сказать, чтобы тобой манипулировать.

— Я прекрасно знаю, кто такая Ника, — холодно отвечаю я. — Хватит. Расскажи, с кем встречался мой отец.

Он словно хочет возразить, но передумывает.

— Сергей Федорович тайно встречался со всеми поставщиками Hi Tors. Судя по собранным мной данным, он планирует инвестировать или перехватить все будущие контракты.

Я хмурюсь. Hi Tors — компания, занимающаяся исследованиями и разработками в области микрочипов нового поколения. Их продукция используется по всему миру в здравоохранении и медицине, и компания на годы опережает конкурентов. Генеральный директор собирается уйти на пенсию, и я уже больше года работаю над сделкой по приобретению этой компании.

— Думаешь, он собирается разрушить их цепочку поставок? — произношу я, и в голосе звучит немалая доля гнева.

— Он хочет изолировать Hi Tors, чтобы у Георгия Белова не осталось иного выхода, кроме как вступить с ним в переговоры, — поясняет Данил, прищурившись. — Он намеренно снижает стоимость Hi Tors перед продажей, потому что ты не сообщил ему: условия сделки изменились — ты собираешься выкупить компанию у Георгия целиком.

— Вот ведь... — вырывается у меня. Я провожу рукой по волосам.

Данил кивает, поджав губы:

— Вот именно. Ты намерен купить компанию Белова, а твой отец решил попросту подлить бензина повсюду — и вот-вот поднесет спичку.

— Спасибо, что разъяснил очевидное, — с сарказмом бросаю я. — Когда он начал эту кампанию?

Данил морщится:

— Судя по датам в письмах — за неделю до свадьбы.

Я откидываюсь на спинку кресла, прижимаю два пальца к губам, погружаясь в воспоминания.

— Сходится, — бормочу я. — Он заявился сюда, требуя встречи. Сказал, что если я не отменю свадьбу, то пожалею.

Данил ругается, а я киваю:

— Ему уже удалось заполучить хоть какие-то контракты?

Он поднимает руки, разворачивает ладони вверх:

— Мои источники...

— Анна, — вставляю я.

— Мои источники, — твердо повторяет он, — не располагают такой информацией. Но в совете директоров Solitar Capital уже ходят слухи, и они нервничают.

Я с силой хлопаю ладонями по столу, наклоняюсь вперед, сверкая яростным взглядом:

— Как они обо всем узнали? Ты же сказал, что отец действует тайно!

— Не знаю, приятель, — он беспомощно пожимает плечами. — Хотел бы я знать, но тут явно что-то нечисто.

В его кармане пищит телефон. Данил достает его и равнодушно смотрит на экран.

— У меня встреча. Я попрошу помощника принести тебе все файлы. Я хранил их вне корпоративных серверов — знал, что у Сергея Федоровича все еще есть доступ. — Он встает, качая головой. — Я просто не понимаю его мотивов. Если он не доверял тебе вести это дело, зачем тогда передал бразды правления Solitar?

Я устало вздыхаю, снова провожу рукой по волосам.

— Дело не в доверии, — говорю я. — Дело в мести Белову за то, что случилось двадцать долгих лет назад. — И прямо посреди всего этого, не имея ни малейшего представления о происходящем... Лиза. — Мне нужно ускорить встречу с Георгием, чтобы опередить отца. Попробую выяснить, есть ли у него время завтра.

На углу моего стола загорается индикатор внутренней связи. Я нажимаю кнопку, соединяясь с Антоном:

— Да?

— Простите, что отвлекаю, — в его голосе ничуть не слышно раскаяния, и я поднимаю брови, встретившись взглядом с ухмыляющимся Данилом, — но господин Лисин здесь и требует срочной встречи.

— А вот и совет директоров, — не к месту замечает Данил.

Я опускаю голову на грудь; в левом виске пульсирует тупая боль. Все, чего мне сейчас хочется, — найти жену, забраться с ней в постель и проспать неделю. Но, судя по всему, этому не суждено сбыться. Я жонглирую слишком многими шарами, и стоит одному из них упасть — последствия придется расхлебывать Лизе. А этого я допустить не могу.

— Спасибо, Антон. Дай мне две минуты, — говорю я своему помощнику, затем откидываюсь на спинку кресла. — Отправь доказательства, как только вернешься на рабочее место, — обращаюсь я к Даниле. — Я хочу знать обо всем, что мой отец уже сделал или только планирует.

Он кривит рот, понимая то, что я не озвучиваю прямо:

— Ты собираешься поднять волну?

— Поднять волну или сжечь все дотла, — отвечаю я, еще не осознавая, насколько правдивы эти слова.

После нескольких часов переговоров, в ходе которых мне пришлось переубеждать не одного члена совета директоров, из-за двери донесся возмущенный возглас:

— Простите! Вы не можете просто так войти!

— Конечно могу.

Самоуверенный тон — и абсолютная уверенность в том, что она назвала меня чужим именем — заставили меня закатить глаза. В ту же секунду дверь распахнулась.

В кабинет вальяжно вошла Ника. Ее шпильки впились в мягкий ковер — за него я выложил несусветную сумму, когда на двери появилась моя фамилия. Одной из причин покупки

была мысль о том, как раздражающе будут цокать подобные каблуки по паркету. И сейчас, с пульсирующей болью в голове, я благодарил себя за этот выбор.

Даже прием обезболивающего сверх рекомендованной дозы не снял напряжение. Оно ничуть не ослабло, пока я наблюдал, как Ника обходит мой стол.

— Ник, я занят, — сказал я, вновь сосредоточившись на ноутбуке.

Она проигнорировала меня: уселась на край стола и посмотрела с улыбкой.

— Ты никогда не слишком занят для меня.

Я откатил кресло в сторону, увеличивая дистанцию между нами. Она скрестила длинные ноги, и я отвел взгляд, когда ее юбка задралась.

— Дорогуша, — произнесла она, поджимая красные губы и бросая на меня обеспокоенный взгляд. — Ты выглядишь измученным. Неужели медовый месяц прошел так плохо?

Она тихо рассмеялась, и этот звук царапал мои нервы, словно щетка по шелку.

Я хмуро посмотрел на нее:

— Мой медовый месяц прошел прекрасно.

Ника знала, что мне не нравится, когда она говорит о моей жене в таком тоне, но мой мрачный взгляд ее ничуть не смутил.

— Должна признаться, я удивлена, что ты вернулся так скоро, — проговорила она, высоко поднимая идеально выщипанные брови. — И немного огорчена, что ты не позвонил мне сразу по прилете.

— Я сократил отпуск из-за работы.

Она лукаво улыбнулась, словно я говорил одно, а подразумевал совсем другое:

— Уверена, Лизавета задала тебе пару вопросов по этому поводу.

Что-то мелькнуло в ее глазах, но исчезло в мгновение ока.

— Откуда ты вообще узнала, что я вернулся?

Она небрежно покачивала ногой:

— Папа сказал. Я сразу поняла, что ты засядешь здесь, так что решила вытащить тебя перекусить.

Ее улыбка смягчилась, напоминая мне о той маленькой девочке, с которой я рос. О той, с нескладными ногами, которая всегда пыталась не отставать от меня — даже когда я не хотел иметь с ней ничего общего.

Я вздохнул. Понимал: у меня слишком много дел, и следовало бы отказать ей. Но желудок урчал, напоминая, что я сегодня еще не ел.

Видимо, она заметила мое неохотное согласие — и тут же вскочила со стола:

— Пойдем, дорогуша, — игриво проговорила она. — Тебе нужен перерыв, и нам надо поболтать. Зайдем в ресторан за углом — там будет тихо и уютно.

Не желая с ней спорить, я быстро прибрал стол, убрал ноутбук в ящик и запер его. Закончив, я пошел за Никой из кабинета — и поймал на себе возмущенный взгляд Антона.

— Пока! — весело махнула ему Ника. Как только она прошла мимо, он театрально закачал глазами.

Я сдержал улыбку, позволяя ей уйти на несколько шагов вперед. Через плечо бросил Антону:

— Я пойду выпью кофе. Вернусь через час.

— Отлично, — бодро отозвался он. — Меня уже не будет, так что развлекайтесь.

Смотрю на часы — уже почти пять.

— Хорошо. Спасибо за помощь сегодня.

Двери лифта закрылись, и Ника нажала острым ногтем кнопку первого этажа:

— Похоже, власть вскружила голову твоему помощнику. Он знает, кто я, но все равно пытается не дать мне с тобой встретиться. Ты должен сделать ему предупреждение — он уже достаточно долго здесь работает, чтобы знать свое место.

— Не смей рассуждать со мной о моих сотрудниках, — резко ответил я.

Ника вздрогнула, широко раскрыв глаза.

Знаю: это следствие того, как мы росли. Но мне никогда не нравилось, как она обращается с людьми, которых считает ниже себя, — и я никогда этого не скрывал.

Она протянула руку, коснулась моей с примирительной улыбкой:

— Я не имела в виду ничего плохого. Просто немного зла от голода, наверное. — Она хихикнула, и этот звук странно контрастировал с ее обычным выражением лица. — Ты знаешь, какая я, когда проголодаюсь.

Ее пальцы задержались на моей руке. Я озадаченно посмотрел на нее, затем отстранился, мысленно возвращаясь к разговорам, которые вел сегодня.

Отец думал, что действует незаметно, пытаясь саботировать Hi Torgs. Но лишь привлек внимание к расколу между нами и к тому, как мы ведем дела, — особенно учитывая, что совет директоров уже знал о моем предложении выкупить компанию.

Я чувствовал себя так, словно играю в шахматы вслепую: собираюсь сделать ход, не видя, какой шаг только что сделал мой противник.

Ника, видимо, чувствовала мою отстраненность. Она не нарушала тишину, пока мы не заняли места за маленьким столиком у окна и официант не принял наш заказ.

Она пила воду, наблюдая за мной поверх стакана:

— Папа просил меня позвать тебя на ужин на следующей неделе.

Мои губы дернулись — я не мог представить ничего хуже:

— Зачем?

— Что значит «зачем»? — Она снова рассмеялась, но между бровями появилась складка.

— Ник, я даже на семейные ужины не люблю ходить. Так зачем твоему отцу приглашать меня на свой?

Она поджала губы, оглядывая кафе:

— Не знаю, Макс. Тебе нужно спросить его. Я просто передаю сообщение.

Я задумчиво мычу, чувствуя, как обостряются инстинкты.

— Моя жена тоже приглашена? — спросил я, пристально наблюдая за ней. Заметил едва уловимую дрожь — мельчайшую реакцию, которую легко было бы пропустить.

Ника тут же взяла себя в руки, одарив меня яркой улыбкой. Но улыбка вышла безжизненной — не затронула глаз.

— Конечно, она приглашена. Лизавета — часть семьи, разве нет? — Ее тон звучал чересчур натянуто, чтобы казаться искренним. — Макс, я беспокоюсь за тебя. Каждый раз, когда мы разговариваем, мне кажется, что ты все сильнее увязаешь в отношениях с Лизой. — Выражение ее лица стало страдальческим, в глазах читалась неподдельная печаль. — Кажется, ты забываешь, зачем все это начал.

Я заерзал на стуле, тщательно взвешивая слова. Понимал: балансирую на канате — нужно решить, что можно ей сказать и что следует уберечь от ее любопытства.

— Я знаю, что делаю. Оставь это, Ник.

Она покачала головой — выбившаяся блондинистая прядь упала на лицо.

— Поговори со мной, — умоляла она, крепко сжимая мою руку. — Ты же знаешь, я всегда рядом с тобой, так ведь? Всегда была. Но ты должен меня впустить. — Ее улыбка дрожала, глаза неестественно блестели, и меня накрыло чувство вины.

Я не хотел ей лгать — но и правду сказать не мог.

— На днях ты просил меня доверять тебе, помнишь? — настойчиво продолжала она. — И я доверяю... Но ты вернулся, так что вы с ней... Все должно закончиться, верно? Папа говорил, что так и будет.

Вот оно.

— Ника...

— Это плохо кончится, — предрекла она. Голос из умоляющего превратился в ломкий, губы сжались в твердую линию. — Лизавета так недоброжелательна ко мне, даже когда я приняла ее в наш круг с распростертыми объятиями. Каждый раз, когда я говорила тебе об этом, ты отмахивался, напоминая, что все это временно. Но ты женат, Максим. Теперь это уже не выглядит временным!

Ее лицо исказилось, одинокая слеза стекла по щеке — и у меня внутри все оборвалось.

— Не понимаю, зачем ты зашел так далеко.

— Это не имеет к тебе отношения, — мягко напомнил я.

Она наклонилась через стол — ногти впились в мою руку даже сквозь пиджак.

— Я думала, мы семья, — прошептала она, и в ее словах прозвучала резкая, обвинительная нотка. — А ты обращаешься со мной как с чужой.

Я открыл рот, сбитый с толку тем, как быстро она перешла от печали к гневу.

— О чем ты говоришь?

— Ты с Лизой уже год, — в ее голосе проскользнула едва заметная издевка, когда она произнесла имя моей жены. — Год, Макс. И она использовала это время с умом, все дальше отталкивая меня. А ты этого не видишь. — Я покачал головой, готовый возразить, но она не умолкла: — Она отвратительно ко мне относится, стоит тебе отвернуться.

Гнев снова сменился печалью.

— Она злорадствовала перед свадьбой, говорила, что меня навсегда исключат из твоей жизни. — Это не походило на слова, которые могла бы сказать Лиза, но губы Ники дрожали, еще одна слеза катилась по лицу — и я растерялся. — Мы дружили всю жизнь, Макс, а ты позволил ей встать между нами. Позволил ей все разрушить. — Она деликатно всхлипнула, глядя в окно, и прошептала надломлено: — У меня больше никого нет.

— Это неправда, Ника, — произнес я. Ее рука все еще лежала на моей руке; я накрыл ее своей и мягко сжал, стараясь успокоить.

Она опустила взгляд на наши руки, затем снова посмотрела на меня — сквозь влажные, слипшиеся ресницы.

— Мы подошли к точке разрыва, — проговорила она. — К той, откуда, боюсь, уже не вернуться.

Я нахмурился:

— О чем ты?

Она уставилась в стол, прикусив дрожащую губу.

— Я больше не могу, — тихо произнесла. — Тебе нужно выбрать.

— Выбрать? — повторил я. — Что выбрать?

Ника упрямо вздернула подбородок, расправила плечи и посмотрела мне прямо в глаза:

— Меня или ее.

Я не отводил взгляда, но в груди разрасталась неуверенность.

— Она никогда не говорила о тебе ничего плохого, Ника.

— Конечно, не говорила, — ее тихий, надломленный смешок заставил меня вздрогнуть.

— Она ни за что не позволит тебе увидеть, что творит. Ведь тогда ты поймешь, как крепко держит тебя в своих руках.

— Все почти закончено, — ответил я. — Просто продолжай мне доверять.

Она права: мы дружили всю жизнь. И несмотря ни на что, мне невыносимо было видеть ее боль — особенно если причина была во мне.

Ника убрала руку и промокнула лицо салфеткой. Через мгновение передо мной снова было воплощение безупречности.

— Я знала, что ты поймешь, — шепнула она, и я невольно нахмурился. — Знала, что тебе просто нужно по-настоящему меня услышать. — Ее карие глаза сияли — все еще влажные,

но уже посветлевшие. — Ты сообщишь мне, когда все будет кончено? Скажешь, что это точно конец?

В груди стало тесно, но я все же выдавил улыбку.

— Конечно, — пообещал я, и слова горчили на языке. — Ты узнаешь первой.

Глава шестая

— Так ты собираешься рассказать, почему вернулась домой так рано? — спрашивает отец.

Я осторожно поднимаю взгляд, искоса наблюдаю за ним и бездумно гоняю вилкой по тарелке кусочек отварного картофеля.

В животе по-прежнему словно тяжелый камень — это ощущение не проходит со вчерашнего дня, когда у меня окончательно пропал аппетит.

Я прочищаю горло:

— Я же говорила: у Максима срочные дела на работе.

Он, как и в первый раз, когда я это сказала, скептически хмыкает:

— Ни один мужчина не прервет медовый месяц из-за рабочих проблем — даже если он генеральный директор. Это называется делегирование.

Я приподнимаю бровь:

— Удивительно, что ты знаешь такое слово.

Он слегка смущается — мы оба прекрасно помним, что в мои детские годы он точно так же был поглощен своей компанией. Пропущенных важных моментов было куда больше, чем следовало бы, но я давно его простила. Теперь же складывается ощущение, что я либо вышла замуж за человека точно такого же, как мой отец, либо еще хуже.

— Значит, вы переезжаете из бабушкиного коттеджа? — спрашивает папа, разрезая стейк. Нож с резким скрежетом проводит по тарелке. — Последнее, что я слышал, — ты даже не начала собираться.

Я качаю головой:

— У меня еще больше трех недель отпуска. Планирую постепенно перевезти вещи за это время.

Мне не хочется ему врать. Я ненавижу это, но могу ли я рассказать отцу правду, если даже сама не знаю, что такое правда?

Нужно поговорить с Максимом — как бы страшно мне ни было, как бы я ни боялась того, что может открыться о человеке, за которого я вышла замуж.

— Рада, что все так сложилось, — говорю я, стараясь придать голосу бодрый тон. — Подготовка к свадьбе была такой суматошной, я бы точно не хотела еще и переезжать вдобавок. — Я бросаю на него понимающий взгляд. — Ты же знаешь, я терпеть не могу жить на два дома.

Он усмехается, качая головой:

— Те две недели, пока ты не закончила ремонт в коттедже, были настоящим испытанием для нас обоих. Значит, сегодня ты ночуешь в квартире? Не думал, что ключи тебе выдадут до возвращения. — Он хмурится. — А как насчет мебели?

Закончив трапезу, папа отодвигает тарелку, кладет руки на стол и пристально смотрит на меня.

— Макс еще на прошлой неделе отвез свою мебель на склад, потому что Даниле она не нужна, — легко отвечаю я. — Он позвонил риелтору, чтобы заранее получить ключи, а потом связался с транспортной компанией. Я встретила с ними сегодня утром.

Отец приподнимает брови:

— Деньги в этом городе определенно решают все.

Я бросаю на него короткий взгляд, обвожу глазами парадную столовую с люстрой, висящей над столом из красного дерева:

— Не думаю, что тебе стоит об этом говорить, папа.

Он без тени раскаяния пожимает плечами:

— Я много работал ради всего этого — теперь имею право наслаждаться плодами.

В комнату из кухни входит Вера Семеновна, наша домработница. Она переводит взгляд с него на меня:

— Уже закончили? — Заметив, что моя тарелка почти полная, она хмурится.

— Прошлой ночью у меня немного расстроился желудок, — объясняю я. — Наверное, съела что-то не то.

Она понимающе кивает:

— Принесу тебе чай с лимоном.

Я сдерживаю гримасу, пока она собирает тарелки и уносит их на кухню. Ненавижу каждую ложь, слетающую с моих губ. Внутри закипает гнев на Максима — во всем, что со мной происходит, я виню только его.

Отец встает, отвлекая меня:

— Пойдем в гостиную.

Он уходит, не дожидаясь моего согласия, и я закатываю глаза. Захожу на кухню — Вера Семеновна готовит напитки.

— Я отнесу, Руся.

Она морщится от прозвища, но блеск в глазах выдает ее с головой.

— Я так скучала по тебе здесь, — говорит она. — Теперь, когда ты живешь с парнем, постарайся не забывать нас.

— И я скучала, — отвечаю я, подхожу ближе и быстро целую ее в щеку, улыбаясь, когда она краснеет. — И я ни за что не откажусь от твоей стряпни, Русь.

Она сдерживает улыбку и фыркает:

— Только потому, что сама готовить не умеешь.

— Наверно, — смеюсь я, заметив ее недоверчивый взгляд. — А если точнее — именно так.

— Вот, — она пододвигает ко мне напитки. — Забирай, пока твой отец не заподозрил, что мы говорим о нем.

— Но я именно это ему и собираюсь сказать.

Она замахивается на меня кухонным полотенцем, а я ловко уворачиваюсь, хватаю стакан и чашку и направляюсь в гостиную. Отец уже уютно сидит в своем любимом кресле. На настенном телевизоре идет выпуск новостей — звук выключен.

— Не понимаю, зачем ты это смотришь, — проворчала я. — От этого становится жутко тоскливо. — Я передаю ему виски, сажусь на диван, поджимаю под себя ноги и делаю глоток чая.

— Спасибо, Лизи, — он щедро отпивает из стакана; лед постукивает о стенки. — А это мой способ оставаться в курсе событий, — произносит он, не отрывая взгляда от экстренного сообщения о том, что какая-то знаменитость легла в реабилитационный центр.

— Понимаю, насколько это важно, — тяну я, игнорируя его недовольный взгляд. — Мы говорили о том, как ты наслаждаешься плодами своего труда, — возвращаюсь я разговор к прежней теме. — Так какие у тебя планы? — Последний год он рассуждает о продаже компании, но все еще не может принять решение.

— Я продаю. Это официально, — и, пока я делаю очередной глоток, он небрежно добавляет: — А еще я подумываю заняться танцами сальсы.

Я закашливаюсь и прикрываю рот, чтобы не расплескать чай.

— Что?! — Он смеется, увидев мое выражение лица. — Это последнее, что я ожидала от тебя услышать. Почему сальса?

— Выглядит весело, — пожимает он плечами.

Я изучаю его лицо пару секунд.

— Так это все? Ты действительно продаешь Hi Tors? — Я сжимаю губы, наклоняю голову. — Ты всю жизнь строил эту компанию с нуля. Ты уверен, что хочешь от этого отказаться?

Он отводит взгляд, задумываясь.

— Лизи, я всю жизнь работал. Даже когда был нужен в другом месте. Думаю, это наследие моего отца — он внушил мне, что если я не работаю, то подвожу семью. После того, как ушла твоя мать... — Он плотно сжимает губы: тему мамы мы обычно избегаем. — После этого я, по сути, зарыл голову в песок. Я знал, что ты нуждалась во мне дома, но потерялся в работе, был слишком сосредоточен на том, чтобы обеспечивать тебя. В жизни не так много вещей, о которых я сожалею, но это... — Он качает головой; в глазах блестят эмоции, когда он поворачивается ко мне. — Это одно из самых больших сожалений.

— Я ни в чем не чувствовала недостатка, когда росла. Папа, ты дал мне все, что нужно.

— Это мило с твоей стороны, но неправда. В жизни есть нечто большее, чем финансовая стабильность, — он смотрит на меня с непривычной серьезностью. — Когда ты впервые привела Максима знакомиться со мной, я волновался. Наши семьи... — Его лоб морщится, уголки рта опускаются. — У нас темное прошлое, и я думал...

— Темное прошлое? — Я смотрю на него широко раскрытыми глазами — для меня это новость. — О чем ты думал?

Он морщится, бросает на меня извиняющийся взгляд.

— Я думал, что у него могут быть скрытые мотивы, когда он за тобой ухаживал.

Я невольно фыркаю при слове «ухаживал», и он улыбается.

— Прости, «покорял» подойдет лучше?

— Совсем нет.

— В любом случае, все это было давно, и вскоре стало ясно, что он искренне увлечен тобой. — Папа мечтательно улыбнулся, погружаясь в свои мысли. — Ты была так прекрасна в своем платье, Лизи. На мгновение мне показалось, что я вижу твою маму в день нашей свадьбы. — Он быстро моргает, словно прогоняя туман перед глазами. — Вести тебя к алтарю — это то, о чем я всегда мечтал. И чего боялся, наверное.

— Боялся? — переспросила я, не сумев сдержать легкую усмешку.

Он неторопливо постукивает пальцами по бокалу:

— Ты мой единственный ребенок, моя дочь. Мне было невыносимо даже думать о том, чтобы буквально отдать тебя кому-то другому. Но когда Максим увидел тебя... — его улыбка становится чуть кривоватой, — его глаза так загорелись! Этот человек без памяти влюблен в тебя — это даже не смешно.

Он, кажется, не замечает, как я напрягаюсь; его мысли все еще витают где-то в прошлом.

— Вся моя карьера прошла в погоне за большим. Того, что у меня было, никогда не хватало — ведь я хотел обеспечить тебе стабильность. — Он медленно обводит взглядом комнату, задерживая внимание на большой оригинальной пейзажной картине над мраморным камином, на высоких сводчатых потолках и массивной кашемировой мебели, изготовленной по индивидуальному заказу. — Я построил этот дом, — тихо произносит он, — наполнил его всем, что тебе могло понадобиться, всем, чего ты могла пожелать. Но я забыл подарить тебе дом.

— Папа...

Он словно не слышит меня:

— Забыл подарить тебе себя, наверное. А Макс... Он амбициозный, целеустремленный. Все его внимание сосредоточено на Solitar и продолжении дела отца. Честно говоря, он так напоминал мне меня самого, что я не хотел, чтобы этот круг повторялся, Лиза. Ты заслуживаешь гораздо большего.

Я прочищаю горло, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

— Что же изменилось?

Папа издает удовлетворенный вздох; его взгляд теплеет, когда он смотрит на меня:

— Все изменилось в тот момент, когда он впервые увидел тебя, идущую к нему по проходу. Он смотрел на тебя так, словно ты — весь его мир. Ты нашла человека, который не просто обеспечит тебе безопасность, Лизи. Он отдал бы тебе весь мир, если бы мог.

Я не стала задерживаться после небольшой отцовской исповеди. Все еще не была готова открыть ему всю правду, поэтому сказала, что хочу провести время с Сашей, пока Максим задерживается на работе.

К счастью, Сашу уговаривать не пришлось — она тут же заехала за мной. Так я оказалась у нее на диване: пила вино прямо из бутылки и поглощала шоколад в количестве, сопоставимом с массой моего тела.

— Откуда у тебя это в машине? — с любопытством спросила я, указывая на бутылку на журнальном столике.

Она пожала плечами, поморщившись от глотка вина:

— Запас на случай чрезвычайной ситуации? — предположила она, а потом призналась: — Честно говоря, сама не знаю. И не помню, сколько эта бутылка там пролежала. Но ведь работает, да? — Она помолчала. — Вино же не портится, да?

Мы переглянулись и одновременно решили, что это неважно. Я протянула ей кусочек шоколада, но она отмахнулась:

— У меня завтра утренняя тренировка, и мне нужно влезть в свои штаны для йоги.

Я мысленно удивилась: почему вино — можно, а шоколад — нельзя? Но спорить не стала — эта мысль так и улетучилась, не успев сорваться с языка.

Рядом завибрировал мой телефон. Я взяла его, ожидая увидеть сообщение от Максима, хотя за весь день он ни разу не попытался со мной связаться. Вместо этого пришло письмо от Ники — без единого слова, только прикрепленное фото.

Я уставилась на экран, чувствуя, как трещит по швам щит, который изо всех сил пыталась вокруг себя возвести.

— О боже...

— Что? — Саша резко повернулась ко мне, широко раскрыв глаза. — Что случилось?

Она перебралась с другого конца дивана ко мне и заглянула в телефон.

— О боже, — повторила она. — Вот же мерзавец!

— Мерзавец? — пробормотала я, не отрывая взгляда от снимка.

Макс сидел напротив нее. Фото сделали снаружи, через окно. Я знала это место: мы с Максимом не раз забежали туда на быстрый обед или останавливались по пути домой, если не хотели готовить. Возможно, мы сидели за тем же самым столиком — так же близко друг к другу, так же тепло улыбаясь. Их поза выглядела уютной, совсем не похожей на «срочное дело на работе».

— Кто прислал это? — требовательно спросила Саша.

— Ника, — едва слышно ответила я.

— Может, это фото не сегодняшнее? — попыталась она найти оправдание. — Может, оно старое...

Она замолчала, когда я увеличила изображение: его рука лежала поверх ее руки, а обручальное кольцо было отчетливо видно.

— Ох...

Я зажмурилась, а Саша выхватила у меня телефон, бормоча что-то себе под нос. Через мгновение она объявила:

— Я поставила твой телефон в режим «Не беспокоить». — Она убрала его подальше от меня и повернулась ко мне с суровым выражением лица. — Мы не будем это обсуждать сегодня. Он — козел, но завтра он все равно останется козлом.

Она обняла меня за плечи, притянув к себе. Я не сопротивлялась, положила голову ей на плечо и уставилась в телевизор, где шло реалити-шоу о чьей-то чужой любви и громких публичных скандалах.

Неужели теперь я стала одной из этих людей?

Мой муж, с которым мы в браке всего четыре дня, прервал наш медовый месяц — и, похоже, сейчас сидит на свидании со своей подругой детства. А если тот телефонный разговор, который я случайно услышала, правда, то он, вероятно, изменяет ей и собирается расторгнуть наш брак — оставляя меня гадать, зачем вообще соглашался на эту свадьбу.

— Могу я добиться аннулирования брака? — вдруг спросила я. — Если он мне изменяет?

Саша вздрогнула рядом со мной и ответила:

— Честно говоря, понятия не имею. — Но тут же оживилась: — Коля — юрист! Мы могли бы ему позвонить!

— Он терпеть не может, когда ты зовешь его Колей.

— А я терпеть не могу его, но каждому из нас приходится нести свой крест.

Я фыркнула, а она улыбнулась — хоть и с грустной ноткой.

— Вот ты где, — сказала она, придвигаясь ближе. — Это тебя не сломает. Но мы могли бы сломать ему колени.

Я похлопала ее по бедру:

— Ты слишком много читаешь мрачных романов.

— Такого не бывает, — возразила она. — Ну, может, и бывает... — Она замолчала на мгновение, затем спросила: — Где, по его мнению, ты сейчас?

Я наклонилась вперед, чтобы схватить еще один кусочек шоколада с подноса на столе.

— В квартире, — ответила я, отправляя шоколад в рот. — Я сказала ему, что все готовлю к его возвращению домой.

Она пристально посмотрела на меня:

— И что он на самом деле обнаружит, когда вернется?

— Не меня, — сказала я. — И несколько сюрпризов. Плюс разобранную кровать.

— Ах ты коварная штучка! — хихикнула она. — Обожаю это. Разве компания по переезде не должна была все собрать?

— Конечно, — кивнула я. — Но я дала им дополнительные чаевые, чтобы оставили все как есть.

— Вот это моя девочка! — Она потянулась за своим бокалом и легонько стукнула им о бокал в моей руке. — И каков твой план теперь?

Честно говоря, я еще не заглядывала так далеко вперед. Но понимала: столкновение неизбежно.

— Думаю, буду ждать, когда он появится, — ответила я.

— Ты не примешь его обратно?

— Нет. — Я опустилась глубже в диван; в глазах жгло. Ненавидела чувствовать себя такой жалкой. Но решила дать себе пару дней, чтобы погрузиться в это состояние, а потом выкарабкаться. Сейчас я была во власти эмоций, но знала: скоро соберусь с силами и продолжу жить.

Жить без Максима Мирова.

Глава седьмая

Я открываю дверь ключом, который взял внизу у консьержа. Тишина, встретившая меня, ничуть не удивляет. Одной рукой нащупываю выключатель, другой яростно дергаю галстук, стаскивая его с шеи. Наконец ладонь ударяется о клавишу, комнату заливают свет, на мгновение ослепляя. Моргаю, привыкая к освещению, и замираю, хмуро оглядываясь.

Прихожая апартаментов выглядит так же элегантно, как и прежде — даже без мебели и декора. Все выдержано в классическом стиле: полированный серый мрамор пола, золотые акценты по краям стен цвета слоновой кости, изысканная фурнитура.

Однако стопка коробок у стены — нечто новое. Я недоуменно разглядываю их. Каждая аккуратно подписана черным маркером моим едва разборчивым почерком: «ванная», «офис», «кухня».

Я провел весь день, туша один кризис за другим, и теперь выжат как лимон. Картина перед глазами никак не укладывается в голове. Почему коробки здесь?

Лиза должна была указать грузчикам, куда все поставить. А если даже не указала — они ведь умеют читать, верно? Во мне вскипает раздражение: я точно знаю, что по меньшей мере половина этих коробок слишком тяжела для Лизы.

Мысленно отмечаю, что надо будет позвонить и пожаловаться в компанию — но уже в более подходящее время. Оставляю коробки и направляюсь на кухню за стаканом воды. Приходится обходить еще несколько коробок, и раздражение мое растет. Но, обогнув кухонный остров, я замираю.

Здесь еще больше коробок — одна лежит на боку, из прорванного картона высыпаются осколки керамики. Холодок пронзает грудь: вид разбитой посуды настолько выбивает из колеи, что я резко меняю маршрут и бросаюсь обратно.

— Лиз! — зову я, и голос эхом отдается от голых стен. Три часа ночи, но паника оплетает меня, словно колючие лианы. — Лиза!

Я врываюсь в главную спальню — она совершенно пуста. Ни мебели, ни коробок. Ни жены.

Обшариваю остальные комнаты апартаментов, заглядываю повсюду и наконец оказываюсь в гостиной. Моргаю усталыми, воспаленными глазами.

Мой диван на месте — заваленный чехлами для одежды и двумя чемоданами. Пол усеян коробками, и я бессмысленно гадаю, откуда их столько взялось. Не помню, чтобы упаковывал столько вещей.

У стены прислонено основание кровати, изголовье неустойчиво балансирует рядом. На полу, укрытый защитной пленкой, лежит матрас.

Не в силах игнорировать очевидное, я упираю руки в бока, оглядываю сцену и пытаюсь выровнять дыхание.

Лизы здесь нет.

Проходит минута. Я стараюсь дышать ровно, прежде чем ко мне возвращается способность мыслить рационально. Вытаскиваю телефон из брюк, звоню Лизе — но сразу попадаю на голосовую почту. Ее медово-сладкий голос просит оставить сообщение. Я звоню снова, потом еще раз — результат тот же.

Наконец я оставляю короткое сообщение:

— Лиз, я в апартаментах, а тебя нет. Немного волнуюсь, так что, пожалуйста, перезвони мне, как только получишь это сообщение.

Завершив звонок, я набираю консьержа внизу. В трубке звучит профессиональный голос:

— Чем могу помочь?

— Это Максим Миров, — коротко отвечаю я. — Я зашел примерно... — смотрю на часы, — пятнадцать минут назад и забрал ключ, оставленный для...

— 3201. Конечно, господин Миров. Все в порядке с вашими апартаментами? — в голосе консьержа звучит беспокойство.

— Все хорошо. Я просто хотел узнать, не знаете ли вы, когда ушла моя жена.

В трубке повисает тяжелая тишина — я почти ощущаю его неодобрение сквозь провода. Он явно размышляет, с чего бы это мне в три часа ночи расспрашивать дежурного о местонахождении жены.

Терпение почти на исходе — и вот наконец до меня доносится сдержанный, официальный ответ:

— Прошу прощения, господин Миров. Должно быть, она ушла до начала моей смены — я заступил в восемь.

— Понятно, — бормочу я. Сердце отбивает в груди рваный ритм. Где же она?

— Может, мне позвонить...

— Нет! — слишком резко обрываю его. Делаю паузу, беру себя в руки и уже ровнее добавляю: — Она ужинала с отцом, видимо, осталась у него на ночь и забыла мне сказать. Спасибо за помощь.

Объяснение хрупкое, как бумага на воде, но я завершаю звонок, не дожидаясь ответа.

Смотрю на экран, продумываю следующий шаг. Если я позвоню ее отцу, а Лизы у него нет, он начнет паниковать и задавать вопросы, на которые у меня нет ответов. Решаю набрать номер того, кто, кажется, всегда знает, где она, — и, вероятно, проводит с ней больше времени, чем я.

Гудки тянутся бесконечно долго. Я уже думаю, что она не ответит, но тут в трубке раздается сонный, заторможенный голос:

— Привет?

— Саша, — резко бросаю я. — Это Макс.

— Максим, — повторяет она, все еще будто в полусне. — Зачем ты звонишь мне в... — Слышу шорох, затем раздраженный вздох. — Мне вставать через два часа. Теперь я точно не усну. — Последние слова она бормочет словно бы не для меня.

— Прости, — виновато произношу я, но тут же спрашиваю напрямик: — Где Лиза?

Она сердито фыркает, но я опережаю ее, не давая взорваться:

— Слушай, я только что вернулся в апартаменты — там пусто. Ни записки, ни сообщения, ни звонка с объяснением, где она и когда вернется. Я знаю, что она ужинала с Георгием, но не хочу зря волновать его, если она у тебя.

Стараюсь сохранять спокойствие. Саша слишком рьяно защищает подругу и обладает чутьем ищейки — учует неладное за милю. Хотя зачем я вообще переживаю? Разбудить ее посреди ночи — уже само по себе сигнал тревоги.

— Ты ей звонил? — в ее голосе звучит напряжение. Возможно, она все еще злится из-за того, что я ее разбудил.

— Конечно, звонил, — резко отвечаю я. — Она не берет трубку.

— Наверное, потому что спит, как нормальный человек, — ворчливо отзывается она.

Я пропускаю это мимо ушей.

— Похоже, она вообще не появлялась дома — разве что впустила грузчиков. Везде хаос, и... — замолкаю, проводя свободной рукой по волосам. — Я беспокоюсь за нее. Это совсем не в духе Лизы — вот так исчезать.

Перед глазами встает ее лицо: бледное, измученное. Огромные голубые глаза казались двумя глубокими синяками на лице. Я знал, что что-то не так, — и проигнорировал. Был слишком занят проблемами с отцом и всей той грязью, которую он творил у меня за спиной.

Меня охватывает тягостное чувство, и я с трудом сглатываю.

В трубке снова слышен шорох.

— Ты хочешь сказать, — начинает она, — что не разговаривал с женой с тех пор, как вернулся из медового месяца? Из того самого медового месяца, который ты оборвал спустя всего три дня?

Я не отвечаю, но она и не ждет ответа. Ее голос становится тише — почти шипит в трубке:

— Значит, у тебя не нашлось ни минуты свободного времени — ни единой минуты! — во время твоего «срочного рабочего дела», — я буквально слышу, как она ставит кавычки вокруг этих слов, — чтобы связаться с Лизой? И теперь ты... что? — Она резко смеется. — Ты пришел домой, увидел, что постель не заправлена, как она обещала, и наконец-то решил побеспокоиться, где она может быть?

Я замираю, вслушиваясь в каждое слово, каждый слог, каждую интонацию ее речи. В голове возникает ошеломляющий вопрос:

— Откуда ты знаешь про постель?

— Что? — В ее голосе звучит искреннее недоумение, но я не настолько хорошо ее знаю, чтобы судить наверняка.

— Ты сказала, что я пришел и обнаружил постель не заправленной, — повторяю я, яростно моргая и глядя на упомянутую постель. — Откуда тебе это известно?

Она глубоко вдыхает, медленно выдыхает — этот звук сливается с гулом моего сердцебиения в ушах.

— Я знаю это, — произносит она медленно, словно считая меня глухим, тупым и еще хуже. Я сжимаю телефон, стискиваю зубы, сдерживая вспышку гнева. — Потому что перед тем, как твоя жена легла спать, она была со мной. О чем ты мог бы знать, если бы хоть немного заботился о ней, дорогой.

Это ошеломляет меня — особенно то, как ласково-язвительно она произносит «дорогой», вкладывая в слово смысл «козел».

— Я забочусь... — Мой протест остается без ответа: она уже повесила трубку.

Рука безвольно опускается. Я смотрю на телефон, чувствуя, будто меня ударили исподтишка. Я ужасно устал и не в состоянии осмыслить все это. Единственное, чего я хочу, — забраться в постель к Лизе. Но ее здесь нет, и...

Я начинаю подозревать, что случилось что-то серьезное.

Поднимаю взгляд, обвожу уставшими глазами хаос вокруг и понимаю: сегодня я здесь не усну. Из меня вырывается глухой, невеселый смех, громко разносящийся в тишине апартаментов.

Я точно помнил тот разговор с ней — она сказала, что начнет распаковывать вещи и все подготовит до моего возвращения. Что же произошло с тех пор?

Снова нахожу ее контакт, подношу телефон к уху, жду гудка. Мой голос звучит умоляюще:

— Лиза, пожалуйста. Что бы ни происходило, можешь просто... — Я зажимаю трубку, ненавидя, что говорю это не с ней напрямую, но не зная, что еще сделать. — Я люблю тебя, Лиз. Пожалуйста, скажи мне, что происходит.

Завершаю звонок и убираю телефон, оставив звук включенным — хотя понимаю, что она не перезвонит мне в ближайшее время. Делаю глубокий вдох: чтобы оставаться в форме — и для работы, и чтобы разобраться с этой неразберихой в отношениях с женой — мне нужно выспаться.

Методично выключаю свет во всех комнатах апартаментов и наконец выхожу через парадную дверь.

Глава двадцать четвертая

Я прячусь в тени, глубже кутаюсь в худи. Ткань становится хрупким барьером между мной и холодной кирпичной стеной. Перед глазами — поток людей, выливающих из отеля в вечернюю суету. Я скрешиваю руки на груди: с каждой минутой ожидания напряжение внутри нарастает, словно туго скрученная пружина.

Смотреть, как моя жена флиртует с этим лощеным типом, — все равно что пройти через новый круг ада. Мне приходится собрать всю волю в кулак, чтобы не рвануть к ним. Я знаю: Лиза это не оценит. Даже само мое присутствие здесь — риск. Но неумолимая потребность убедиться, что с ней все в порядке, не дает просто развернуться и уйти.

И вот она появляется. Щеки пылают румянцем, глаза сияют неведомым светом. Она... выглядит счастливой. От этой мысли внутри все сжимается — ведь я вот-вот разрушу это хрупкое состояние. Лиза оглядывает улицу, затем медленно пятится в мою сторону, роется в сумке и достает телефон. Уткнувшись в экран, она совершенно не замечает окружающего. Я невольно хмурюсь.

— Тебе стоит лучше заботиться о себе.

Она вздрагивает, резко оборачивается. Взгляд, встретившись с моим, мгновенно становится жестким, ледяным.

— Что ты здесь делаешь, Макс? — бросает она резко. — Теперь ты за мной следишь?

На губах невольно рождается улыбка, но тут же гаснет.

— Я просто хотел убедиться, что ты в безопасности.

На мгновение мне кажется, что она смягчается. Но тут ее плечи напрягаются, губы сжимаются в тонкую линию.

— Это больше не твое дело.

Слова бьют точно в сердце, словно острая стрела. Я провожу ладонью по груди, ощущая, как холодный металл кольца давит на кожу.

Я качаю головой:

— Так не работает.

— Именно так и работает, — она хмурит брови. — И почему я вижу тебя уже второй раз за день, хотя не видела две недели?

— Я пытался дать тебе пространство, Лиз. Ты ведь сама об этом просила, да? — спрашиваю я.

Ее лицо краснеет, напрягается. В глазах мелькает что-то неуловимое, прежде чем она успевает это скрыть. Что это было?

— Ты получила мои подарки, да?

Она улыбается, но в этой улыбке нет ни капли тепла.

— О, ты про розовые розы? Да, я их получила. Прекрасное напоминание о свадьбе, которой никогда не должно было быть.

Я тихо выдыхаю:

— Я не думал... Просто знал, что это твои любимые.

— Были, — поправляет она, поджимая губы. — Они были моими любимыми. Полагаю, это еще одна вещь, которую ты для меня разрушил.

Я теряюсь, не зная, что ответить. Но ситуацию спасает ее внезапная дрожь — жакет слишком легкий для стремительно холодеющего вечера.

— Ты замерзла, — замечаю я.

Она явно сдерживается, чтобы не ответить «еще бы», хотя выражение лица выдает ее с головой. Я едва сдерживаю улыбку, осознавая: эта новая, стальная версия Лиз потребует времени, чтобы к ней привыкнуть.

— Давай я довезу тебя домой.

Ее губы искривляются, нос морщится — будто сама мысль о том, чтобы провести время со мной в замкнутом пространстве автомобиля, вызывает у нее отвращение. Учитывая, что всего несколько часов назад я заставлял ее испытать оргазм, это ощутимый удар по самолюбию.

— Пожалуйста, Лиз, — я отталкиваюсь от стены и делаю шаг к ней. — Это просто поездка. Она не должна ничего значить.

Проходит еще минута. Она снова вздрагивает от холода — и наконец кивает, жестом предлагая мне идти первым.

Когда мы оказываемся в машине, ее зубы уже стучат. Я включаю подогрев сиденья, врубаю печку на полную. Направляясь к ее дому, то и дело поглядываю на нее. Она упорно смотрит в окно, делая вид, что меня здесь нет.

Повисает невыносимая тишина. Наконец я решаюсь:

— Как прошло твое... эм... свидание?

— Мы правда будем это обсуждать? — наконец вырывается у нее, и в голосе звучит резкий выдох.

Я так сжимаю руль, что он чуть не трещит под пальцами.

— Когда ты сказала, что идешь на свидание, я думал... — пытаюсь пожать плечами, но движение замирает на полпути — получается лишь нервный рывок. — Думал, может, это с Владом.

Я торможу на красный свет. Рискнув бросить на нее взгляд, замечаю, как уличные огни отбрасывают призрачный свет на ее лицо. Выражение остается непроницаемым.

— Владислав, — тихо повторяет она.

Я киваю.

— Почему?

Ее вопрос сбивает меня с толку. Ответ звучит неуверенно:

— В последнее время вы много времени проводите вместе, и я подумал...

— Что я, должно быть, с ним сплю? — резко заканчивает она за меня.

От грубых слов у меня приоткрывается рот. Такой тон не вяжется с той женщиной, которую я знаю.

— Нет, я не...

— Впрочем, справедливо, — перебивает она, не давая мне договорить. — Учитывая, что я думала, будто ты спишь с Никой.

За нами раздается резкий гудок. Я поднимаю взгляд — светофор уже горит зеленым. Плавнo нажимая на газ, я чувствую, как мысли лихорадочно крутятся вокруг того, как резко повернул наш разговор.

— Я никогда не думал о ней в таком ключе, — твердо повторяю я.

— Значит, ты всех называешь «дорогая»? — она бросает на меня ледяной взгляд; на лице читается явное нетерпение.

Я морщусь.

Я так ждал этого разговора, но теперь не нахожу достойного оправдания. Лиза не хочет слышать, что это обращение становится чем-то вроде привычки — особенно если учесть, что раньше я так называл ее. Это не имеет никакого отношения к Нике — да и вообще ни к чему не имеет. Мне стыдно признаться, что я даже не понимаю, насколько это неправильно, пока неделю назад не обратился так же к юной бариста в кофейне. Девушка тут же расцветает, в глазах загораются сердечки, она краснеет и начинает заикаться. В итоге опрокидывает два стакана кофе, прежде чем подает мне заказ.

Кажется, она понимает, что я не собираюсь отвечать, и качает головой.

— Не понимаю, почему ты решил, что между мной и Владом что-то есть, — наконец произносит она, возвращаясь к прежней теме. — Он просто друг. Я знаю его уже много лет.

— Но он не был твоим спутником сегодня, — мягко напоминаю я.
Сердце замирает, когда ее взгляд смягчается.

— Нет, не был, — шепчет она.

Я делаю глубокий вдох.

— Ты не прогонишь меня, Лиз. Неважно, сколько свиданий ты устроишь или как решишь меня наказать. Я никуда не уйду.

Она моргает, и ее глаза вновь превращаются в два ледяных осколка.

— Ты все еще не понял, Максим, — произносит она безжизненным тоном. — Это не про тебя.

Она решительно отворачивается, и мы молчим, пока я веду машину к ее дому. Остановившись у подъезда, я даже не пытаюсь выйти. Я обещаю лишь подвезти — и намереваюсь придерживаться этого, чтобы она знала: моему слову можно доверять.

Несколько секунд она не двигается, аккуратно сложив руки на коленях. Я сжимаю кулаки, предчувствуя: она готовится сказать что-то, что мне не понравится.

— Ты получил повестку в суд?

Я стискиваю зубы, не отрывая взгляда от темного дома.

— Да.

— Нам предстоит явиться к судье через две недели.

Я лишь коротко киваю, прикусывая язык, чтобы не сорваться на резкие слова.

— Думаю, нам не стоит видеться до этого момента, — произносит она мягко, но в голосе звучит непреклонная твердость — ясно, что это не предложение, а окончательное решение. — Сегодня... — Она замолкает, задумчиво поджимая губы. — Я не жалею о том, что случилось. Не потому, что это был ты, а потому, что мне было хорошо. И я не собираюсь отказывать себе в этом.

Ее слова ранят, словно острый клинок.

— Но это все усложняет, особенно если ты продолжишь следить за моими свиданиями.

— Я не слежу за тобой, — бурчу я, невольно прижимая ладонь к плечу. Там до сих пор саднит от ее укуса, оставленного ранее. Боль помогает собраться с мыслями, удержаться от необдуманных поступков.

— Прекрати присылать мне что-либо, — твердо говорит она, и я хмурюсь. — Цветы, шоколад или что там еще — это не загладит того, что ты натворил, Максим.

Я тяжело вздыхаю, сутулясь.

— Я стараюсь, Лиза. Стараюсь дать тебе все, о чем ты просишь. Но я не могу... Я хочу дать тебе то, что тебе нужно, делаю все, что в моих силах. Однако я просто не в состоянии взять и уйти из твоей жизни.

Она задумчиво кивает, словно взвешивая мои слова.

— Ты обещал дать мне развод.

— Да, — с горечью признаю я.

— Тогда я согласна поговорить после того, как все будет оформлено. Но не обещаю, что это что-то изменит.

Не дожидаясь ответа, она открывает дверь и выходит из машины. Уже на пороге, прежде чем захлопнуть дверь, наклоняется. Ее голубые глаза встречаются с моими, сияя в тусклом свете салона.

— Больше никакой слезки, Максим, — мягко, но твердо предупреждает она. — Я не хочу, чтобы ты увидел что-то, что может тебя ранить.

Ее слова звенят у меня в ушах. Она закрывает дверь и уходит. Я остаюсь сидеть в темноте, чувствуя, как ноет в груди, а пальцы сами сжимаются в кулаки.

Перед глазами мелькают два пути: ворваться в ее дом и стоять там до утра либо отправиться домой и напиться до беспамятства. Но, прежде чем я успеваю выбрать, раздается звонок. Не глядя на экран, я прикладываю телефон к уху.

— Привет?

— О, слава богу, ты ответил, Максим! — в трубке звучит встревоженный голос матери. Я резко выпрямляюсь, в голове тут же проносятся самые мрачные сценарии.

— Что случилось? — выпаливаю я.

Она сдавленно всхлипывает:

— Это твой отец. Его арестовали!

Я смотрю в одну точку на стене, снова и снова прокручивая в голове тот чудовищный вечер.

Не то чтобы арест отца становится для меня полной неожиданностью — но получить такой удар сразу после того, как Лиза буквально выпотрошила меня изнутри, оказывается невыносимо.

«Я не хочу, чтобы ты увидел что-то, что может тебя ранить».

— Ты переехал сюда, когда вернулся с Мальдив, верно? — раздается голос Дианы.

Я перевожу на нее взгляд. Она осматривает гостиную, намеренно задерживая внимание на штабелях коробок у стены.

— К чему ты клонишь?

Она смотрит на меня и невинно хлопает глазами:

— Да ни к чему особому. Просто... восхищаюсь тем, что ты тут устроил. Фэн-шуй просто невероятный! — Диана кивает в сторону кухни. — А керамика, разбросанная по полу?... — Она изображает поцелуй пальцами, игнорируя мой испепеляющий взгляд. — Даже не представляю, что тут можно было сделать иначе. Некоторые люди пользуются шкафами, но ты? Нет. Ты просто разбил все тарелки. Понимаю, тебе нравится новый образ жизни безработного бродяги, но, может, тебе стоит попробовать себя в дизайне интерьеров?

В комнату входит Натан, хмуро копаясь в коробке с хлопьями.

— Не согласен, — проворчал он. — Мне бы сейчас тарелка не помешала. И с чего у тебя холодильник пустой? Даже молока нет.

— Я не приглашал вас сюда, придурки, — огрызаюсь я. — Если вам не нравится — валите в отель к маме. — Я откидываюсь на спинку дивана, чувствуя себя совершенно разбитым. — Так зачем вы здесь?

— А зачем снимать номер в отеле, если у нашего брата есть отличная квартира, где можно перекантоваться, пока полицейские обыскивают наш дом? — резонно замечает Диана.

— Квартира с одной кроватью, — напоминаю я.

— Что подводит меня к следующему вопросу. — Она указывает на каркас кровати, прилепленный к стене в гостиной. — И матрас. Ты все еще мочишься в постель или планируешь кого-то на нем убить?

— Осторожно, Ди, — бормочет Натан. — У него голова сейчас реально взорвется.

— Если он переберется на свой матрас в полиэтиленовой обертке, убирать будет проще.

— Вам обоим тут спать негде, — цежу я сквозь зубы, чувствуя, как дергается веко. — И, наверное, не стоило оставлять маму одну. Так что, будьте добры... проваливайтесь.

Диана небрежно взмахивает рукой:

— Она приняла пару таблеток снотворного и отключилась еще до нашего ухода.

Я вздыхаю:

— Как она?

Они обмениваются серьезными взглядами, и Натан отвечает:

— Насколько можно ожидать. Ты же знаешь, она никогда всерьез не задумывалась о том, кто наш отец на самом деле.

— И это нам здорово помогло, — горько бормочу я.

Диана выпрямляется, взгляд ее становится острым, как бритва:

— Не взваливай это на нее. Может, она живет с головой в песке, но мы всегда знали, кто он. Ты сам принимал решения, Макс, и они затронули всех нас, включая ее. — Сестра садится рядом, берет меня за руку. — Может, если бы ты не держал все в себе, все сложилось бы иначе.

Натан скептически хмыкает, и она соглашается:

— Ладно, не иначе, но хотя бы мы были готовы.

— Сколько времени ты собирал доказательства? — тихо спрашивает Натан.

Я прикусываю губу, переводя взгляд с одного на другого:

— Год. Я начал копать после...

— После того, как он натравил тебя на Лизу, — заканчивает Натан. — Тогда все изменилось, да?

Я приподнимаю подбородок:

— Я не должен был позволить ему манипулировать мной, зная, что все, чего он от меня добивался, противоречило моим моральным принципам — и личным, и профессиональным. Я понимал, что это неправильно, и никогда до конца не понимал его желания стереть Hi Tors с лица земли, но...

— Почему ты все-таки это сделал? — спрашивает Диана. — Ты знал, что она рано или поздно обо всем узнает.

— Знал, — мрачно соглашаюсь я. — Я хотел, чтобы Hi Tors оказался в надежных руках до того, как она все выяснит.

— Твои доводы никуда не годятся, — хмуро бросает Натан. — Даже если бы ты вообще не заключал сделку с Георгием Беловым, отец просто нашел бы кого-то другого, кто продал бы ему компанию. Он все равно не смог бы заполучить Hi Tors.

Я удивленно приподнимаю брови, поражаясь его наивности:

— Ты правда в это веришь? Отец уже начал действовать, пока я был в свадебном путешествии. Он подрывал позиции Hi Tors, разрывая контракты с поставщиками материалов. И это несмотря на то, что Ника наверняка сообщила ему: я подпишу продажу компании, как только вернусь. — Я выпрямляюсь. — В конечном счете неважно, кто владел бы Hi Tors — отец все равно попытался бы ее уничтожить. Просто потому, что знал, как эта компания важна для Георгия.

Диана придвигается ближе, прислоняясь ко мне:

— Почему ты нам ничего не рассказал? — Ее голос звучит мягко, но в нем явственно слышна боль. — Если бы мы случайно не услышали ваш спор с отцом в прошлом году из-за Лизы, мы бы вообще ничего не узнали. Даже сейчас кажется, что ты по-прежнему оставляешь нас в неведении.

— Вы ничего не смогли бы сделать, Ди, — возражаю я. — Не было смысла вам знать. Я просто пытался вас защитить.

— Защищать нас — не твоя работа, — твердо говорит Натан. — И защищать Лизу — тоже не твоя работа. Хватит отталкивать людей и считать, что все должен делать сам. Посмотри вокруг. Посмотри, к чему это тебя привело. — Он отбрасывает коробку с хлопьями и широким движением обводит комнату. — Где Лиза, Макс?

В ту ночь я так и не могу уснуть. На следующее утро стою в коридоре отеля — глаза будто натерты наждаком.

На мой стук дверь открывает мама. Она уже одета: шелковая блузка и льняные брюки. Макияж едва скрывает напряжение, залегающее в уголках рта. Она жестом приглашает меня войти.

— Максим, — тихо произносит она, когда я обнимаю ее. Меня пронзает боль от того, насколько хрупкой она кажется.

— Мам, — шепчу я, уткнувшись в ее волосы. — Как ты?

Она отстраняется и изящно пожимает плечами.

— Бывало и лучше, — признается она, подводя меня к двум креслам у большого окна.

Уже приготовлен кофейный столик с выпечкой и фруктами. Я беру кофе, но мама отстраняет мою руку, задумчиво нахмурившись.

— Адвокат уже связался со мной. Он говорит... — она прочищает горло, взгляд становится настороженным, — что дело практически закрыто и он мало что может сделать. Доказательства, собранные против твоего отца... — Она хмуро смотрит на свои руки. — Он считает, что лучший выход — чтобы отец пошел на сделку со следствием. Судья может проявить снисхождение и смягчить приговор. Адвокат хочет, чтобы мы предоставили свидетелей, которые смогли бы рассказать о другой стороне его личности. — У меня сжимается желудок, но я не перебиваю, жду, когда она выложит все начистоту. — Он упомянул тебя по имени, Максим. Как старшего сына и наследника империи Беловых, генерального директора Solitar.

— Я уже не генеральный директор.

Она отмахивается:

— Думаю, это не имеет значения. — Мама улыбается с надеждой, но в ушах звучат слова Дианы: «Защищать нас — не твоя работа».

— Я не могу этого сделать.

Она моргает, взгляд становится озадаченным:

— Почему?

— Это я собрал доказательства, мам. — Я наклоняюсь вперед, готовясь к ее реакции. — Это я сдал отца.

Долгое мгновение она не двигается. Затем медленно выдыхает — так глубоко, что кажется, будто из нее выходит весь воздух. Она опускается в кресло, а я встаю, присаживаясь перед ней на корточки и беру ее холодные руки в свои.

— Мы справимся, — твердо говорю я. — Диана, Натан, ты и я. Мы есть друг у друга, и мы не нуждаемся в отце. Мы слишком долго позволяли ему нами управлять.

Ее глаза влажно мерцают.

— И Лиза, — шепчет она. — У нас есть и Лиза, верно?

— Верно, — соглашаюсь я, молясь, чтобы это не оказалось ложью. — И Лиза.

Одно лишь упоминание ее имени возвращает мои мысли к ней. Я гадаю, как она чувствует себя сегодня после вчерашней ночи. После того как Натан спросил меня, где она, они оба накидываются на меня, настаивая, чтобы я исправил то, что разрушил.

Когда я спрашиваю их, что можно сделать, они удивляются. Но неожиданно именно Натан говорит:

— Тебе нужно доказать, что ты достоин доверия, да? И что она для тебя что-то значит. Значит, тебе нужен грандиозный жест. Что-то символическое или значимое.

Но сейчас, сидя рядом с мамой, я вдруг понимаю: у меня появилась идея. Не совсем грандиозный жест, но нечто, что покажет Лизе — на этот раз я держу слово и выбираю правильную сторону в этой войне.

Глава восьмая

— И какой у тебя план?

Я откусываю внушительный кусок бутерброда с творожным сыром, набиваю рот до отказа и, вытаращив глаза, указываю на свои раздувшиеся щеки — словно демонстрирую свое нынешнее состояние.

Саша смотрит на меня без тени восхищения. Не моргая, она наблюдает, как я жую, терпеливо дожидаясь, когда я закончу. Это нервирует — в ее взгляде что-то змеиное, будто она готова в любой момент броситься на жертву.

С трудом проглатываю кусок и тут же тянусь за следующим. Но Саша ловко выхватывает бутерброд у меня из рук, а следом — тарелку со вторым, отодвигая ее подальше.

— Эй! — возмущаюсь я. — Я же ела!

Она помахивает бутербродом перед моим лицом:

— Нет, не ела. — Откусывает огромный кусок, а я ахаю от возмущения. С набитым ртом она бормочет: — Ты не ела — ты избегала своих проблем. И не получится спрятаться от них, набивая желудок.

Я отстраняюсь, хмурясь:

— Не думаю, что два бутерброда — это «набивать желудок», — обиженно бормочу я.

Она приподнимает бровь, дожевывает и с напускной надменностью произносит:

— Мне напомнить про шоколад прошлой ночью?

У меня отвисает челюсть:

— Ты сама принесла шоколад!

— Но я его не ела, — пожимает она плечами. Затем на ее лице появляется тень беспокойства. — Ты не можешь притворяться, что ничего не происходит, детка. Тебе нужно пройти через серьезный разговор, закрыть эту главу своей жизни.

— Знаю, — тихо шепчу я, отводя взгляд.

Мои глаза скользят по улице. Мы сидим под навесом маленькой пекарни; наш крошечный столик в саду расположен как нельзя лучше — прямо напротив потока прохожих. Так легко отвлечься от хаоса в моей жизни, придумывая истории о каждом, кто проходит мимо. Но в глубине души я понимаю: Саша права. Я не могу прятаться вечно.

Саша подробно пересказывает мне свой разговор с ним. Сначала я даже испытываю легкое удовлетворение: он настолько обеспокоился, что позвонил ей, требуя ответов. А потом до меня вдруг доходит: он не замечает — или попросту не озабочен — тем, что меня нет там, где я должна быть, вплоть до трех часов ночи.

Мысли несутся вскачь. Хотя новых фотографий его с Никой не появляется, я не могу перестать задаваться вопросом: а был ли он вообще на работе?

— Лиза, — мягко зовет Саша, аккуратно откладывая бутерброд. — Поговори со мной.

Я прочищаю горло, изо всех сил стараясь не показать, что глаза наполняются слезами:

— Я попрошу его встретиться со мной сегодня днем. Где-нибудь нейтральном и публичном. — Горло сжимается, я с трудом сглатываю. Яростно моргаю, пытаюсь сдержать подступающие эмоции. — Скажу, что подслушала его разговор. Скажу ему... — Голос срывается. Я обессиленно опускаюсь на стул, словно из меня вдруг выкачали весь воздух; подбородок падает на грудь. — Господи... Я не знаю, как с этим справиться. Никогда никому не доверяла так, как ему. Как такое могло произойти? — Я шмыгаю носом, отчаянно надеясь, что никто из прохожих не замечает, как я теряю самообладание, роняя слезы в бутерброд с творожным сыром.

Саша наклоняется через стол и протягивает ко мне руки. Я колеблюсь: боюсь, что, приняв ее утешение, окончательно сломаюсь. Но все же вкладываю свою ладонь в ее — не в силах удержаться.

— Ты одна из самых сильных людей, которых я знаю, Лиз, — горячо говорит она. — Ты пройдешь через это с высоко поднятой головой. Его выбор говорит не о тебе, а о нем. Он здесь мерзавец, и ты не должна брать на себя ни капли вины.

— Что у нее есть такого, чего нет у меня? — шепчу я, ненавидя себя за эти слова. Но я знаю: Саша — единственный человек, который не осудит меня за подобные мысли. Я несовершенна, как любая другая женщина: у меня есть свои страхи и сомнения. Но прежде я никогда не сомневался в собственной ценности.

Теперь я сомневаюсь во всем: в каждом ласковом слове, которое он шепчет мне на ухо, в каждом поцелуе, в каждом прикосновении. Зачем он затеял эту изощренную игру, если все, что ему нужно, — это она?

Саша фыркает, отвлекая меня. Я поднимаю глаза и вижу ее разъяренное лицо.

— Эта дрянь, — цедит она, — самовлюбленная социопатка, которая, наверное, завтракает младенцами.

Я ахаю и быстро оглядываюсь — хочу убедиться, что никто не услышал. Увидев мое выражение лица, она поспешно поправляется:

— Ладно, может, не младенцами. Но точно котятами. Ты знаешь, какой человек способен есть милых, пушистых котят, Лиз?

Я закусываю губу, качаю головой, изо всех сил стараясь сдержать улыбку.

— Психопат, вот кто, — продолжает она. — У нее эта жуткая фальшивая улыбка... — Саша театрально вздрагивает. — Она как фарфоровая кукла, только ее маска вся потрескалась и прогнила. Поэтому она накладывает слой штукатурки, чтобы скрыть это. Но такое не спрячешь.

— Думаю, нельзя быть одновременно социопатом и психопатом, — осторожно замечая я.

— Серьезно? Это тебя смущает? — ворчит она. Потом тихо добавляет: — Приходи ко мне сегодня вечером. Можешь оставаться столько, сколько захочешь. Но я не хочу, чтобы ты была одна... после всего.

Я размышляю немного, затем киваю:

— Хорошо.

Мы погружаемся в задумчивую тишину. Но ее прерывает сигнал будильника на телефоне — напоминание, что через пятнадцать минут у Саши следующее занятие по йоге.

Она отключает его и внимательно смотрит на меня:

— Ты мне позвонишь, — твердо приказывает она. — Мне неважно, что я буду на занятии. Я поставлю твой рингтон на максимум и отвечу несмотря ни на что.

— Я позвоню, — обещаю я. — У меня есть запасной ключ от твоей квартиры, так что я сразу пойду к тебе после...

Успокоенная, Саша в последний раз сжимает мою руку, а затем уходит — шагает через дорогу к небольшой студии йоги, где работает инструктором.

Я еще задерживаюсь в кафе — доедаю один из бутербродов, к большому неудовольствию моего желудка, — а потом направляюсь домой.

Чтобы отвлечься, провожу несколько часов в саду: выдергиваю сорняки и готовлю почву к весенней посадке. Время летит быстро, и в конце концов голод заставляет меня вернуться в дом — пора обедать.

Я только заканчиваю дела, когда раздается звонок отца. Беру трубку и натягиваю на лицо широкую улыбку — надеюсь, что он услышит ее даже сквозь линию:

— Привет, пап.

— Я свободный человек! — ликует он вместо приветствия, и голос его переполняет восторг. — Даже не знал, чего ожидать, но знаешь что? Это было правильное решение. Я чувствую себя легче, чем за все последние годы. Пора остепениться и наслаждаться жизнью — пока кости еще не настолько хрупкие, чтобы отказывать себе в удовольствиях.

— Ты говоришь так, будто столетний старик на пороге смерти, — сухо замечаю я. — Вряд ли ты готов переселяться в дом престарелых.

Мы смеемся, а потом я спрашиваю:

— Значит, сальса?

Вчера он упоминал, что сегодня подпишет бумаги, но из-за всех этих событий я совсем забываю об этом.

— Может, попробую танго, — задумчиво произносит он.

Я изображаю шок и громко ахаю:

— Танго! Все только и будут что судачить за твоей спиной.

— Вера схватится за свои жемчуга.

— А может, она станет твоей партнершей по танцам, — лукаво предполагаю я и слегка удивляюсь, когда он не спешит отвергнуть эту идею. — Ну а теперь мне можно узнать большой секрет? Кто новый владелец твоего драгоценного детища?

— У меня только одно драгоценное дитя, — парирует он. — И... — долгая, тягучая пауза, от которой по спине бегут мурашки, — это твой муж. Сегодня утром я встречаюсь с Максимом.

«Я получу подписи, когда вернусь. Как только все будет оформлено на мое имя, я это прекращу».

Дыхание сбивается, становится прерывистым, в груди разрастается боль. Но отец ничего не замечает и продолжает говорить:

— Мы не хотим, чтобы ты волновалась, но теперь скрывать уже нет смысла! — Он усмехается, затем задумчиво мычит. — Хотя Макс показался мне немного... — замолкает, и мои ногти впиваются в ладонь, оставляя полукруглые отметины на коже.

— Немного?... — подталкиваю я; голос дрожит лишь слегка.

Он коротко вздыхает:

— Не знаю, дочка. Он был как будто не в себе, наверное.

В его словах звучит немой вопрос, но я делаю вид, что не замечаю этого.

Я прочищаю горло:

— Он, наверное, просто устал. Работал до раннего утра.

— Он упоминал об этом — да и мешки под глазами сложно не заметить. Мы пошли пообедать после подписания, и в том же ресторане оказывается его подруга, — небрежно добавляет отец. — Ника. Она говорит, что была на свадьбе, но, признаться, я ее не помню. — Он продолжает, безмятежно рисуя картину, от которой мне становится невыносимо больно. — Она показалась мне милой, сидела одна, так что я пригласил ее присоединиться к нам.

Господи, это было бы не так больно, если бы он толкнул меня под автобус.

— О, как мило... — бормочу я и снова прочищаю горло. — Слушай, у меня второй звонок, надо ответить.

— Конечно, конечно, — говорит он, не осознавая, какой урон только что наносит. — Заезжай на ужин в четверг, ладно? Приведи Макса. Пока я не отпраздную с моей девочкой, все это не будет казаться реальным.

Я торопливо соглашаюсь и завершаю звонок. Дышу часто и тяжело. Заставляю себя замедлить дыхание: считаю до шести на вдохе, потом еще шесть — на выдохе.

Постепенно сердце возвращается к более ровному ритму, и из меня вырывается истеричный смешок. Я не могу поверить, что это моя жизнь.

Неужели все дело было в компании?

Почувствовав, что немного успокоилась, я прослушиваю все голосовые сообщения Максима. Стоны вырываются, когда он признается в любви: грубоватые нотки его голоса проникают прямо в ухо. Прослушав все, я удаляю сообщения. Затем стираю всю переписку, оставляя диалог абсолютно пустым, — и только тогда набираю одно единственное сообщение.

Я набираю короткое сообщение:

Лиза: Нам нужно поговорить.

Спустя всего минуту телефон в моей руке оживает звонком. Я не вздрагиваю — этого я и ожидаю, — и нажимаю «отклонить».

Лиза: Лично.

На этот раз пауза затягивается. Я неотрывно смотрю на экран, слежу за тем, как появляются, исчезают и вновь возникают три точки. Наконец приходит ответ:

Максим: Где и когда?

Короткое сообщение не сулит ничего хорошего, но я не позволяю сомнениям взять верх. Пишу, чтобы он встретился со мной в ботаническом саду через час.

Это не та нейтральная территория, которую я изначально планировала, но мне кажется правильным завершить все там, где мы начали. Воспоминания о нашем первом свидании всплывают в памяти — и грудь тут же сжимается от острой боли.

Мы заходим в маленькую семейную итальянскую кафешку. Улыбаемся друг другу за столом при свечах, едим пасту и пьем вино. После ужина неспешно прогуливаемся по извилистым гравийным дорожкам сада — и в конце концов оказываемся у белой беседки. Усевшись на деревянную скамью, Максим берет мою руку в свою, переплетает наши пальцы. Я помню, как улыбаюсь, хотя мы не произносим ни слова, — просто смотрим на озеро посреди сада.

Над головой мерцают гирлянды — их повесил кто-то из местных жителей. Все кажется каким-то сюрреалистичным, почти волшебным. Потом он медленно разворачивает меня к себе: теплые ладони обхватывают мои щеки, нежно запрокидывают голову — и он наклоняется, чтобы прижаться губами к моим.

Это ощущается как самая естественная вещь в мире. Меня наполняет небывалое чувство покоя — и вместе с ним приходит трепет ожидания, острое желание большего.

Телефон в руке снова издает звук — и я вынырываю из воспоминаний.

Максим: Буду.

Я смотрю на его ответ — и меня захлестывает ощущение опустошения. Оно настолько сильное, что я не знаю, как заставлю себя выйти из дома. На руке ярко блещут кольца в солнечном свете, льющемся через окно над раковиной, — немое напоминание обо всем, что я вот-вот потеряю. Но часы уже не повернуть назад, и нельзя стереть то, что я теперь знаю.

И нельзя игнорировать тревожный голос внутри, который настойчиво твердит: «Ты еще не знаешь всего. Дальше будет намного, намного хуже».

Глава девятая

Я поднимаюсь по ступеням беседки — пришла заранее и с облегчением вижу, что внутри никого нет. Взгляд скользит по спокойной глади озера. День выдался чудесный — явный предвестник весны; полуденное солнце рассыпает по воде сверкающие блики.

Безмятежность пейзажа резко контрастирует с моим смятением — руки предательски дрожат.

Я намеренно пришла пораньше, пытаюсь хотя бы иллюзорно удержать контроль над грядущим разговором. Не могла даже представить, как подойду к нему, уже ждущему меня. Но, опустившись на деревянную скамью у стены беседки и ощутив ноющую боль за ребрами, понимаю: к такому невозможно подготовиться.

Как смотреть в глаза человеку, которому отдала целый год своей жизни? Я не утаила от него ничего — отдала все: тело, разум, душу. Всем сердцем верила, что он — мой навсегда. А он взамен потчевал меня лишь ложью и выдумками.

Знаю, это живет только в моей голове, но, кажется, я никогда не смогу избавиться от липкого ощущения, будто меня использовали.

По спине пробегает холодок. Резко оборачиваюсь — из-за живой изгороди появляется он. Должно быть, пришел прямо из офиса: строгий серо-графитовый костюм выглядит чужеродно среди садовых пейзажей. Взгляд невольно цепляется за бордовый галстук — мой рождественский подарок — и я спешу отвести глаза.

«Все, что он делает, продумано, — безжалостно напоминаю себе. — Все подчинено плану».

Он демонстрирует фасад, разыгрывает спектакль — лишь для того, чтобы сбить меня с толку и ослабить защиту.

Максим останавливается у подножия ступеней беседки. На лице мелькает неуверенность. Кожа на скулах натянута от напряжения, отчего черты кажутся резче, суровее. Больше никаких внешних проявлений эмоций — ничто не выдает его истинных чувств. Солнце светит ему в спину, погружая лицо в тень, отчего глаза кажутся почти черными. Он внимательно разглядывает меня: от небрежного пучка на макушке — к лицу, свободному свитеру, перепачканным землей джинсам и старым кроссовкам.

— Здесь так спокойно, — произношу ровным, безжизненным голосом. Натягиваю неискреннюю улыбку — он хмурится. — Кажется, мы прошли полный круг.

— Где ты была? — его резкий вопрос заставляет меня удивленно приподнять брови.

— Знаешь, я все думала о нашей встрече. Мне казалось это таким романтичным: как мы столкнулись, а потом просто... сошлись. — Лицо невольно смягчается от воспоминаний, и я замечаю, как его плечи чуть опускаются. — Как в кино: двое слепо бегут навстречу друг другу, кофе разлетается во все стороны. Мужчина галантно пытается все убрать, а потом они просто... вместе. Казалось, это судьба, правда?

Он тяжело вздыхает, взъерошивая волосы рукой:

— Лиз, я не хочу сейчас предаваться воспоминаниям. Ты хоть понимаешь, как я волновался? Где ты была?

Он стискивает зубы, но я чувствую лишь странную опустошенность.

— А я хочу вспомнить, — мягко говорю я, однако взгляд мгновенно твердеет. — Потому что хочу поговорить о том, как ты столкнулся со мной намеренно.

Его ресницы опускаются, пряча глаза, но он не может скрыть, как стремительно бледнеют щеки. Это едва заметно, но вполне достаточно для подтверждения моих подозрений — я усмехаюсь, отводя взгляд.

— Лиза, ты серьезно?! — резко спрашивает он. — Может, просто поедem домой и нормально поговорим?

Я молчу, и он шумно выдыхает.

— Я знаю, что Саша уже сказала тебе, где я была, — рассеянно произношу я, наблюдая за птицей, которая пикирует к воде и ныряет. Она взлетает — капли стекают с перьев, в клюве трепещет рыбка. — Я была дома.

Кладу руки на бедра, стараясь скрыть дрожь — впиваюсь пальцами в джинсовую ткань.

Максим поднимается на ступеньку и резко мотает головой:

— Нет. Если бы ты была дома, ты была бы в нашей квартире. А вместо этого я пришел...

Он резко обрывает себя, и я с интересом вглядываюсь в его лицо.

— О, не останавливайся на полуслове, — поддразниваю я. — Ты вернулся домой... когда именно?

Его губы сжимаются в тонкую линию.

Я внимательно наблюдаю за ним, подмечаю детали, которые прежде упускала: глубокие складки вокруг рта, взъерошенные светлые волосы — слишком небрежные, чтобы это было задумано, — и заломы на белой рубашке, проглядывающие в разрезе пиджака.

Когда он не отвечает, я продолжаю с легкой усмешкой:

— Ты выглядишь напряженным. — Одариваю его сдержанной улыбкой. — Должно быть, чрезвычайная ситуация на работе оказалась серьезной, особенно если ты вернулся домой в три утра. — Наклоняю голову набок, добавляю тише: — Я тоже разговаривала с Сашей.

Я замолкаю, и от раздражения его брови сходятся к переносице. Он делает шаг ближе — кончики его черных лоферов почти касаются моих грязных кроссовок, широкие плечи загораживают солнце. Я вытягиваю шею, но остаюсь на месте.

— В какую игру ты играешь? — резко спрашивает он, но в голосе звучит что-то неуловимое, чего я не могу распознать.

Я слегка приподнимаю плечо.

— Я не играю ни в какую игру, — говорю я, невольно крутя кольца на правой руке. — Просто наконец-то разбираюсь в правилах твоей игры. Было бы неплохо, если бы ты предупредил меня, что мы вообще играем. Но лучше поздно, чем никогда.

Он издает глухой звук, сжимая кулаки по бокам.

— Хватит говорить загадками, Лиза.

Я выдерживаю паузу, затем пристально смотрю на него.

— Зачем ты женился на мне, Макс?

В его глазах мелькает настороженность, но он быстро ее скрывает, растягивая губы в легкой улыбке.

— Потому что я люблю тебя, — заявляет он и протягивает ко мне руку. — Пойдем домой, милая. Обсудим... все это за ужином.

Я едва сдерживаю дрожь.

— Правда? — шепчу я, игнорируя его руку. Грустный смешок срывается с губ — я понимаю, что это был последний шанс, который я готова была ему дать. — Интересно.

Я встаю и прохожу мимо него. Он стоит так близко, что я касаюсь его плечом. Я делаю вид, что это меня не трогает, но он резко втягивает воздух, пальцы дергаются, будто он хочет схватить меня. Однако я уже ухожу — покидаю беседку и направляюсь к кромке озера.

— Лиза! — рывкает он за моей спиной; его шаги грохочут следом. Ноздри раздуваются при каждом вдохе, к высоким скулам возвращается цвет — его гнев почти осязаем. — Не уходи от меня посреди разговора!

Я не отвечаю, поворачиваюсь к воде. Его присутствие нависает за моей спиной.

— Лиза, ради бога...

Когда он наконец перестает пыхтеть, я спокойно спрашиваю:

— Ты помнишь, когда я впервые почувствовала недомогание во время отдыха?

Он замирает так резко, что я даже не уверена, дышит ли он. Смотрю на его озадаченное лицо.

— Это было... — он замолкает, погружаясь в воспоминания, словно это случилось не пару дней назад. — Ты пошла гулять. Вернулась только к ужину.

Я неопределенно хмыкаю.

— Где ты был?

— Лиз... — начинает он резко, но я бросаю на него твердый взгляд.

— Где ты был? — твердо повторяю я.

— Я был в номере. Помнишь? — В его голосе звучит сарказм, но я сдерживаю вспышку раздражения. — Я слишком устал, чтобы идти с тобой.

Что-то меняется: в его глазах вспыхивает жар, растапливая шоколадную глубину взгляда. Он приближается, проводит пальцами по моей шее, дразняще очерчивая ее изгиб. Он так близко, что его дыхание касается моего уха, а голос опускается до интимного шепота:

— Ты вымотала меня прошлой ночью.

Его палец скользит ниже, следуя линии позвоночника сквозь тонкий хлопок рубашки.

— Мы то и дело засыпали, но тут же просыпались снова, голодные друг по другу... — Он издает стон, а другая его рука ложится на мою скулу, словно хочет повернуть мое лицо к себе. Это привычное движение — он повторял его множество раз.

— Я скучал по тебе прошлой ночью, — хрипло произносит он. — Моя постель была холодной и одинокой без тебя.

Воспоминания вспыхивают ярко, обретают краски благодаря его словам. Раньше от этого вкрадчивого голоса по моему позвоночнику пробегала искра, а его низкий баритон ласкал нервные окончания, словно нежное прикосновение. Раньше от пробудившегося желания внизу живота разливалось тепло, а кожа становилась влажной. Физическая тяга никогда не была для нас проблемой: наши тела притягивались друг к другу, как магниты, и разлучить их было почти невозможно. Наверное, именно эта чувственная химия так облегчила ему притворство.

Теперь его пальцы оставляют ледяной след там, где касаются моей кожи. Я словно наблюдаю за происходящим со стороны — будто это происходит не со мной, а с кем-то другим.

— Точно, — говорю я, будто только что вспомнила. — В тот день я оставила тебя в постели, но забыла телефон.

Он замирает, и я пользуюсь моментом, чтобы отстраниться от его прикосновения. Смотрю ему прямо в глаза — мой взгляд холоден, и он невольно отступает на шаг.

— Я вернулась, как только поняла. Волновалась, что ты можешь потерять меня, и не хотела, чтобы ты переживал.

Я издаю тихий смешок, в котором явственно сквозит горечь — скрыть ее полностью мне не удастся.

— Глупо теперь об этом думать, — продолжаю я почти будничным тоном, хотя ладони мои одновременно потеют и леденеют. Сердце грохочет в груди, а шум в ушах становится настолько громким, что, уверена, Максим должен его слышать. — С какой стати тебе понадобилось бы мне звонить?

Он открывает рот, но я еще не закончила. Мой голос твердеет, а слова рассекают пространство между нами, словно удар хлыста:

— В конце концов, ты уже был на телефоне.

Глава десятая

Мой разум словно в тумане, но одна мысль бьет набат, не давая покоя. Я не узнаю женщину, стоящую передо мной. Та, на которой я женился, была по-своему сильна — но напоминала дерево, способное склониться под напором сильного ветра. Ее корни никогда не вырвутся из земли, она не упадет, но это не мешало ей сгибаться под натиском более мощных сил.

Я протягиваю к ней руку — пальцы едва заметно дрожат, — но она отскакивает назад, губы кривятся в язвительной усмешке. Горло сжимается, я с трудом сглатываю, рука бессильно падает. В голове снова и снова прокручиваю тот проклятый звонок.

— Это ничего не значит, — говорю я, пытаюсь улыбнуться, но губы будто не принадлежат мне. — Просто разговор с Никой.

Она позвонила в панике почти сразу, как Лиза вышла из комнаты. Рассказала, что мой отец в ярости: я и правда довел свадьбу до конца. В его представлении я должен был лишь прибраться к рукам *Ni Tors* — и на этом все. Расстаться с Лизой.

Я даже не помню, что говорил Нике, пытаюсь ее успокоить. Но, судя по лицу Лизы, — ничего хорошего.

— По крайней мере, ты не отрицаешь, — бормочет она. — Интересно было, насколько ты окажешься банальным.

— С чего мне отрицать? — в отчаянии спрашиваю я. — Я ничего не скрываю. Она позвонила в истерике, а я просто пытался ее успокоить.

— Успокаивал, — задумчиво повторяет она. — Полагаю, это и правда расстраивает, когда мужчина, с которым ты встречаешься, женится на другой.

Я резко отшатываюсь. Глаза расширяются от шока.

— Это не...

— Даже не смей! — Ее голос гремит, она тычет в меня дрожащим пальцем. — Даже не смей говорить, что все не так, как звучало!

Я широко раскрываю глаза — ее грубость ошеломляет. Она смеется, но смех хрупкий, будто она вот-вот рассыплется на миллионы осколков. Когда ее яростный взгляд снова встречается с моим, она передразнивает меня, копируя мой тон:

— У меня все под контролем. Милая, тебе нужно мне доверять. Как только все будет оформлено на мое имя... — Она глубоко вдыхает, расправляет плечи и продолжает уже своим голосом: — Я все закончу.

— Пожалуйста, Лиза, милая...

— Перестань так меня называть! — кричит она.

Стая птиц срывается с места, отчаянно хлопая крыльями, спасаясь от шума. Я смотрю на Лизу — она задумчиво следит за ними, будто ищет в их полете ответы на свои вопросы.

— Ты получил, что хотел, Максим, — ее голос надламывается, и я чувствую, как эхо этой боли отдается в моей груди.

— Что хотел? — Я качаю головой. — Ничего из этого я не хотел, Лиз! — Паника перерастает в гнев. — Я хотел остаться на Мальдивах. Хотел, чтобы ты была в нашем доме в первую ночь после возвращения. Хотел поговорить с тобой, а не с твоим автоответчиком!

Она остается безучастной, и отчаяние сжимает мне горло, лишая дыхания.

— Просто дай мне объяснить. Ладно? Спокойно. Мы можем сесть, выпить кофе и просто поговорить.

Но она уже качает головой, не дослушав.

— Мне не нужно давать тебе ничего, — она опускает взгляд, и я смотрю туда же — на ее руки. Секунду не могу понять, что она делает, но вот кольцо уже снято и зажато в кулаке.

— Ничего из этого не было настоящим, — говорит она растерянно, глядя на украшение. — Я все еще... я не... — Она качает головой, выглядя совершенно потерянной. — Не понимаю, зачем это было нужно. Я никак не связана с бизнесом отца, так почему заслужила это?

— Бизнес твоего отца... — тупо повторяю я, и меня охватывает леденящее предчувствие.

— Он позвонил мне раньше, рассказал о твоей сделке. Это просто безумие, — ее голос дрожит от нахлынувших чувств. — Целый год притворяться в отношениях, сыграть свадьбу — и все ради компании, которую ты мог купить не раз и не два.

Она поднимает взгляд, но лицо остается пустым, будто она где-то далеко.

— Дело не только в компании, Лиз, — я делаю шаг ближе, но она отступает, настороженно глядя на меня. — Есть вещи, которых ты не знаешь. О которых я тебе не рассказывал.

— Хочешь сказать, ты не подстроил нашу первую встречу? Не нарочно столкнулся со мной?

Я открываю рот, но из него вырывается лишь беззвучный вздох. Она кивает, словно это и был ответ, которого она ждала. Снова смотрит на кольцо — рука дрожит, когда она проводит кончиком ногтя по сверкающим граням.

— Для меня брак что-то значил, — шепчет она почти неслышно. Взгляд прикован к украшению, но я все же замечаю блеск слез, наполняющих ее глаза. Сердце пропускает удар, внутри нарастает паника. — Моя мать не задержалась надолго, да и большинство браков сейчас недолговечны. — Она пожимает плечами, будто все это ничего не значит, но всхлипывает с головой. — Такова реальность, да? Но для меня это было важно, а ты просто... — Голос срывается, она замолкает, и у меня между лопаток выступает холодный пот.

Мысли кружатся в голове, словно вихрь. Я пытаюсь подобрать слова, чтобы она поняла. Открываю рот, еще не зная, что скажу, но тут она смотрит на меня сквозь темные ресницы. Губы сжаты так плотно, что совсем потеряли цвет.

— В какой бы игре ты ни участвовал... ты выиграл, — произносит она едва слышно. — Все кончено.

Она широко разводит руки, и наконец слеза срывается, оставляя влажный след на щеке. Я стою завороченный, пока еще одна капля не скатывается вниз — и вот ее лицо уже мокро от боли.

— Ты получил Hi Tors, а я тебе больше не нужна.

— Лиз, пожалуйста... — Я протягиваю руку, осторожно беру ее за плечи. — Мне плевать на Hi Tors. Я люблю тебя. Я не лгал о нас.

— «О нас», — повторяет она, приподнимая брови. — Интересное выражение. Но тебе не нужно ничего мне объяснять. Я думала, что буду стоять здесь и требовать ответов, но... — Она склоняет голову, даже не пытаясь смахнуть слезы, все еще катящиеся по лицу. — Думаю, мне уже все равно. Человек, которого я, как мне казалось, любила... — я вздрагиваю, чувствуя, как бледнеет лицо, — никогда бы так не поступил.

Словно вся энергия покинула ее, она обессиленно опускается в моих руках, превращаясь в пустую оболочку. Она выглядит... Побежденной. Сломанной.

Тошнота подкатывает к горлу, желчь обжигает небо. Я с трудом сдерживаюсь, качаю головой, но она еще не закончила.

— По крайней мере, папа получил то, чего хотел. Думаю, теперь все может закончиться, — тихо произносит она, отстраняясь.

Я отпускаю ее. Сердце бешено стучит в груди. Я отчаянно ищу слова, чтобы все исправить, объяснить... Но, если я расскажу ей об отце, придется рассказать все. Слова рассыпаются пеплом на языке, оставляя горький привкус во рту.

Перед глазами все плывет. Я быстро моргаю, пытаюсь сфокусироваться, а она снова начинает говорить:

— Наверно, хуже всего осознавать, сколько я тебе отдала... и понимать, что все это время ты был с ней.

Это заставляет меня запнуться — на миг смятение заглушает панику.

— С кем?

Она смотрит на меня так, словно я самый глупый человек, которого она когда-либо встречала.

— С Никой. Мне почти жаль ее. Я знала, что она меня ненавидит, но не понимала, что это потому, что я встречалась с ее мужчиной.

Ее резкий смешок совсем не похож на смех моей Лизы.

— Я не с Никой, — мой голос звучит так, будто я полоскал горло щебнем. — Я никогда не был с ней. Она мой друг, и ничего больше. Я говорил тебе. Наши семьи жили по соседству. Наши отцы — лучшие друзья. Она почти семья.

Она морщит нос:

— Звучит почти как кровосмешение, но ладно. Это уже не мое дело. Я же сказала — можешь больше не врать, Макс. Ты свободен как ветер.

— Ты не слышишь меня! — срываюсь я, теряя терпение. — Я не вру...

— Даже если и нет, — перебивает она, отворачиваясь к озеру, — я все равно не поверю ни единому твоему слову. Теперь уже нет. Ты врал мне в лицо целый год. И даже только что снова соврал. — Она кивает в сторону беседки. — Говорил, что женился на мне, потому что любишь.

Она проверяла меня. Это страшное осознание: у меня был шанс все раскрыть — и я его упустил, даже не заметив. Я должен был положить этому конец давным-давно, но теперь расплачиваться придется ей — за ошибки всех остальных. За мои ошибки.

Но она не понимает главного. Пусть все началось не по-настоящему, но сейчас она значит для меня больше, чем кто-либо на свете. Я люблю ее.

Только я собираюсь открыть рот, чтобы произнести это вслух, она резко разворачивается. Едва осознав ее намерение, я бросаюсь вперед и хватаю за запястье — она как раз заносит руку. Сдерживаю силу хвата: пальцы смыкаются осторожно, чтобы не причинить боли.

— Что ты делаешь? — требую ответа.

Она смотрит на меня через плечо — взгляд мутный, потухший.

— Теперь это ничего не значит.

Я смягчаю голос, умоляю:

— Пожалуйста, Лиз. Пожалуйста, не делай этого. Не закрывайся от меня. — Провожу большим пальцем по ее запястью, чувствуя бешеный пульс. — Я дам тебе время, а потом мы поговорим. Разберемся. Я все исправлю.

— Ты что, не понимаешь? — Она закрывает глаза, горло судорожно сжимается. Когда она снова говорит, голос прерывается от эмоций — я наклоняюсь ближе, ловя каждое мучительное слово: — Это нельзя исправить. Ты сломал что-то внутри меня — и это необратимо. — Она смотрит мне в глаза, не пряча своей боли. — Я знала, что жизнь не идеальна, но думала, что нашла своего человека. — Шепотом добавляет: — Думала, нашла того, кто изменит меня к лучшему. А вместо этого получила того, кто сломал меня окончательно.

— Ты не сломана, — шепчу я, притягивая ее в объятия. Одной рукой прижимаю ее лицо к своей груди, другой все еще держу запястье — кольцо крепко зажато в ее кулаке. — Ты совершенна. Это не твоя вина. Этого не должно было случиться, и я все исправлю.

На мгновение она замирает. Мои плечи понемногу расслабляются — паника отступает. Именно в этот миг она резко вырывается: запястье скользит из ослабевших пальцев. На ее лице — решимость; она смотрит на озеро. Я успеваю схватить ее, разжимаю пальцы и выхватываю кольцо из ее ладони.

Я отступаю на несколько шагов. Дыхание прерывистое, поверхностное. Сжимаю кулак — кольцо больно врезается в ладонь. Она не двигается, смотрит на меня... Но в ее глазах — пустота. Ни проблеска жизни.

— Это не имеет значения, — произносит она тихо. — Оно ничего не значит.

— Для меня оно значит все, — возражаю я дрожащим голосом. — Я не лгал, когда надевал его на твой палец.

— Твои слова тоже ничего не значат, — она качает головой. — Я искренне надеюсь, что все это того стоило.

Я опускаю голову, не в силах выдержать ее взгляд.

— Я не желаю тебе несчастья, Максим, но хочу, чтобы ты это услышал... Я буду счастлива без тебя. Я жила полноценной жизнью до тебя — и буду жить после.

Она разворачивается и уходит. А я остаюсь стоять, чувствуя, будто она только что вырвала мое сердце из груди.

Но ведь это я первым разорвал ее сердце.

Когда она уже почти скрывается из виду — так, что я едва могу ее разглядеть, — она оборачивается. На лице все еще видны следы слез, которые она даже не потрудилась стереть. И вдруг — улыбка.

— Я хочу развода.

Колени подкашиваются, я едва удерживаюсь на ногах. Прижимаю кулак к груди. Ощущение, будто кто-то залез внутрь и вырвал легкие: каждый вдох дается с невероятным трудом. Но я не отрываю от нее взгляда — слежу, как она уходит, отчаянно жду, что она обернется.

Она так и не оборачивается.

Глава одиннадцатая

— Ты просто захлебываешься в горе, — заявляет Саша.

— Ничего подобного, — возражаю я.

Саша критически осматривает мои спутанные, немые волосы, необъятное худеющее и заляпанные спортивные штаны — все тот же наряд, в котором она видела меня накануне.

Я хмурюсь, встретив ее взгляд: выражение лица подруги красноречивее любых слов.

— Я не захлебываюсь в горе.

Она недоверчиво приподнимает брови, переводит взгляд на контейнер с мороженым в моих руках и пустые пачки из-под чипсов, разбросанные по кофейному столику.

— А как тогда это назвать?

— Заедаю свои чувства, — бурчу я. — Оставь меня в покое.

Теперь уже она хмурится, расчищает место на столике и устраивается прямо передо мной.

— Ты не против? Я тут смотрю.

Оборачивается к экрану:

— «Терминатор»?

— Третий, — подтверждаю я, запихивая в рот очередную ложку мятно-шоколадного мороженого.

— Ну, выбор так себе... — Она снова поворачивается ко мне, и глаза ее расширяются. — Подожди... — Наклоняется, хватая меня за рукав худеющего и дергает. — Вчера я не приглядывалась — боялась, что ты превратишь меня в камень. Но скажи, что это не...

Я отшатываюсь, вырываясь из ее хватки, и твердо заявляю:

— Не понимаю, о чем ты.

— Лиза Белова, скажи, что на тебе не худеет Волан-де-Морта.

— Смысл как раз в том, чтобы не произносить его имени, — возражаю я.

Саша закатывает глаза:

— Я и не произнесла. Я сказала: «Тот, Кого Нельзя Называть».

Я морщу лицо, изображая недоумение:

— Это только путает. Смотри, сейчас будет самое интересное. — Показываю ложкой на телевизор за ее спиной. — Может, ты...

— Оставишь меня захлебываться в горе в одежде бывшего? Нет, не оставлю. — Она нетерпеливо фыркает. — Лиз, уже неделя прошла. Ты вправе чувствовать все, что чувствуешь, но жизнь не останавливается, когда тебе больно.

— Ее голос смягчается, взгляд теплеет. — Твой отец обрывает мне телефон.

— Правда? — бормочу я.

После сотовой — или около того — попытки дозвониться я заблокировала номер Волан-де-Морта. Зато начала получать массу «увлекательных» сообщений от Ники. Однажды пришла просто фотография: она и Макс сидят рядом на диване, ее рука на его колене. На следующий день — селфи в его кабинете: она обедает, а Максим на заднем плане работает за столом. Но она не ограничивалась фотографиями.

Ника: Не волнуйся, Лизавета. Теперь я позабочусь о нем.

Ника: Ты правильно сделала, что ушла. Он никогда не был предназначен для тебя.

Так что я сохранила сообщения как доказательства... чего-то. В тот момент это казалось разумным. Потом заблокировала и ее, выключила телефон — три дня назад.

— Я отправила папе сообщение, что у меня все нормально.

— И он явно понимает, что это не так, — говорит Саша, пересаживаясь рядом со мной на диван. Несмотря на мои протесты, выключает телевизор, выхватывает у меня мороженое и ставит на столик. Убедившись, что полностью завладела моим вниманием, продолжает: — Я

знаю, тебе больно, детка. Даже представить не могу, через какую боль ты сейчас проходишь. Но нельзя продолжать в том же духе.

— Почему это? — упрямо возражаю я.

Но Саша, словно не слыша, продолжает:

— Ты, похоже, объявила бойкот моему прекрасному душу...

— Давление могло бы быть и получше, — бормочу я.

— ...а твой отец сходит с ума. Не думай, что я преувеличиваю, Лиз. Уверена, он уже готов нанять команду наемников, чтобы похитить тебя и заставить поговорить. — Она бросает на меня многозначительный взгляд. — Любыми способами.

— Папа не станет меня пытаться, — возражаю я, но тут же задумываюсь. — Ну, может, эмоционально. Но совсем чуть-чуть. Нет ничего хуже родительских манипуляций чувством вины.

Выражение лица Саши не меняется, в глазах появляется почти опасный блеск. Я вскидываю руки:

— Ладно! Я пойду к нему.

Блеск в ее взгляде сменяется самодовольством. Я указываю пальцем ей в лицо:

— Но я все равно не захлебывалась в горе.

Она приподнимает одну бровь:

— Надеюсь, ты перед этим примешь душ, — говорит она, преувеличенно принохивается и морщится.

«Стерва», — мысленно фыркаю я.

Три часа спустя я сижу на кухне дома, где выросла, и рассказываю Русе всю печальную историю. Она готовит ужин, сочувственно поддакивает и время от времени бормочет «козел» себе под нос.

Богом клянусь, каждый раз, когда она ругается, я ликую.

Я заканчиваю рассказом о том, как по сути заперлась в квартире Саши. Руса отрывается от плиты. От аромата ее жареного риса с курицей у меня тут же текут слюнки. Неудивительно — тело отчаянно жаждет нормальной еды после недели фаст-фуда.

— Так что ты собираешься делать? — спрашивает она.

Я пожимаю плечами, ковыряя ногти:

— Наверное, расскажу папе. А дальше... не знаю.

— Он не обрадуется, ты же понимаешь.

— Понимаю, — уныло отвечаю я. — Мне вообще не стоило... — Качаю головой, выдыхаю с досадой. — Не стоило молчать. Нужно было рассказать ему в тот вечер, когда вернулась. Может, тогда он не стал бы продавать компанию. Если бы я знала...

Руся поправляет регулятор на плите, поворачивается ко мне — все ее внимание сосредоточено на мне:

— Я имела в виду не это. Но мне интересно, почему ты не рассказала ему в тот вечер.

— Подожди, а что ты тогда имела в виду? — поднимаю голову, озадаченно хмурясь.

— Лизочка, твой отец... Компания для него важна. Мы обе это знаем. Но ты — его дочь, и это превыше всего, что связано с Hi Torgs. — Вера Семеновна подходит, обнимает меня за плечи. — Твой папа будет опустошен, узнав, что ты чувствовала: тебе пришлось пройти через это в одиночку. Ему будет больно, что ты не дала ему возможности поддержать тебя.

Волна жара поднимается в груди — горькие слова вырываются прежде, чем я успеваю их остановить:

— У меня не было привычки, что он меня поддерживает, Русь.

Она сжимает меня в объятиях — молчаливый упрек за злобу. Я прислоняюсь к ней, вдыхая фруктовый аромат ее духов. Руся была нашей домработницей с тех пор, как я была ребенком, и стала мне большей матерью, чем та, что от меня ушла.

— Он совершал ошибки, — говорит она. — Но старается их исправить, и это был бы его первый шанс. — Делает паузу, затем спрашивает: — Так почему ты избегала его?

— Эм... — мямлю я. — Там не горит? — Смотрю на рис.

Руся фыркает:

— Ты видела, как я убавила огонь. Давай, выкладывай, девочка.

Я вздыхаю, но постепенно все и рассказываю:

— Папе сначала не понравился Макс, помнишь? Совсем не понравился. И он старался это скрыть. Я думала, может, он просто не может смириться с тем, что я всерьез встречаюсь с кем-то.

— Максим был первым мужчиной, которого ты привела в дом, — говорит Руся.

— Вот именно. Я думала, папа просто не хочет соперничать с другим мужчиной в моей жизни, понимаешь? Но чем больше времени они проводили вместе, тем больше Максим ему нравился. — Я замолкаю, перебирая в памяти картины их совместных посиделок, и тихо добавляю: — Теперь-то мы знаем, зачем Макс так старался его очаровать.

Руся молчит, лишь ласково гладит меня по голове — словно незримо подбадривает продолжать.

— Папа всегда хотел, чтобы Hi Tors досталась тому, кому она небезразлична. Но это никогда не была я. Мне, конечно, было не все равно, но не так, как ему. Я не горела желанием ею управлять и никогда этого не скрывала.

— Он всегда поощрял тебя следовать за мечтами и не навязывал своих.

Я киваю, чувствуя, как щиплет в глазах.

— Я знала, что он хочет продать компанию, что готов отойти от дел. Но еще я знала: в глубине души он все же немного разочарован, что преемником стану не я. А когда он сказал, что покупатель — Максим... — Я крепко зажмуриваюсь, не желая ронять ни единой лишней слезы. — Папа был так счастлив, Русь. И я не хотела...

— Чего, Лизонька?

Я с трудом сглатываю.

— Не хотела, чтобы он винил себя за то, что не разглядел, каков Максим на самом деле. Но и не хотела, чтобы винил меня, — срывающимся голосом признаюсь я. — Ведь это я привела Максима в нашу жизнь. Если бы не я...

Руся тянет меня за плечо, заставляет развернуться к ней, а потом прижимает к себе, укладывает мою голову на свое плечо. Впервые после того телефонного звонка я отпускаю все. Плечи содрогаются под тяжестью эмоций, слезы падают на рубашку Руси.

Мы остаемся в таком положении несколько минут. Руся медленно покачивается, поглаживая меня по спине. Когда мое дыхание выравнивается, она отстраняется и берет мое лицо в ладони.

— Ты на эмоциях, — говорит она. — Ты измучена и в шоке. Мы не всегда принимаем разумные решения даже в лучшие времена, а уж в таких экстремальных — тем более. Но ты забыла одну вещь, милая девочка. — Ее голос переходит в мягкий шепот: — Твой папа, может, и пропускал многое, очень многое, очень многое... — Мы обе усмехаемся ее сухому тону. — Но ты всегда была его главной радостью. Не компания. И он никогда не стал бы винить тебя за ошибки других.

Я шмыгаю носом, вытираю его тыльной стороной ладони.

— А теперь? Когда я могла помешать ему потерять Hi Tors? — Я качаю головой. — Если бы я сказала ему в тот первый вечер, он бы не встретился с Максимом на следующий день. А теперь...

Резкий голос прерывает меня:

— А теперь ты наконец увидишь, как я появляюсь в твоей жизни.

Глава двадцать пятая

Я открываю входную дверь.

— Папа? Вера? — мой голос эхом отдается в пустоте, но справа слышится тихий шепот, и Вера откликается:

— Гостиная, Лиза!

Я иду к ней, чувствуя легкость, которой не испытывала уже несколько недель.

Несколько дней назад я вернулась на работу — последний шаг к возвращению к нормальной жизни. Как я и предполагала, это было унинительно: разговоры обрывались, стоило мне войти в комнату, на меня бросали косые взгляды. Но теперь это позади, и словно туман рассеивается, впервые за долгое время позволяя ясно видеть — даже сквозь боль.

Прошло тринадцать дней с нашей последней встречи. Максим делает именно то, о чем я просила, — полностью исчезает из моей жизни. Никаких неожиданных визитов, сообщений или подарков.

Я ценю его уважение к моим границам, хотя какая-то часть меня раздражена его внезапным исчезновением. И тут же я злюсь на себя: как я могу злиться и чувствовать себя преданной, но при этом скучать по нему каждой клеточкой души?

Папа сидит на диване в гостиной рядом с Верой: их ноги прижаты друг к другу, руки переплетены. Я замираю, отмечая, насколько бледным и измученным выглядит отец.

— Что происходит? — нерешительно спрашиваю я.

Вера смотрит на моего отца, который молчит, а затем одаривает меня долгим взглядом: — Произошло кое-что... скажем так, неожиданное.

Папа резко смеется:

— Как и любое другое — подойдет.

Я сажусь в кресло рядом с ними:

— Что именно произошло?

Они обмениваются взглядами, и наконец Вера мягко подталкивает:

— Давай, скажи — как будто срываешь пластырь.

— Да, пластырь на ампутированной конечности, — бормочет он, тяжело вздыхая. — Сергея Мирова арестовали.

Я хмурюсь:

— Я в курсе. Об этом трудно было не услышать, — добавляю я сухо.

— Верно. Ему также приказали сдать анализ ДНК.

— Это необычная практика, да?

Папа качает головой:

— Это не стандартная процедура. Видимо, они получили какую-то информацию от нынешнего заключенного в тюрьме, и этого оказалось достаточно, чтобы беспокоиться. — Он снова смотрит на Веру, которая ободряюще улыбается ему, и прочищает горло. — Лиза, когда я велел твоей матери уйти, я даже представить не мог, насколько серьезно она воспримет мои слова. Она... — Его кадык дергается при глотании, лицо искажается болью. — Она оказалась в каком-то захолустном городке на другом конце страны, под вымышленным именем, работала неофициально.

— Я не понимаю, — говорю я оцепенело. Подбородок дрожит, хотя я не знаю почему. Вера бросает на меня сочувственный взгляд, не отпуская руку отца. — Ты говорил, что никто не знал, где она. Ты сказал, что никто не знал.

Он смотрит на меня широко раскрытыми, опустошенными глазами, и Вера Семеновна наклоняется вперед, перехватывая инициативу:

— Лизочка, никто не знал — пока не стало известно сейчас. Твой отец пытается сказать, что... похоже, Сергей Федорович нашел твою мать примерно через три года после ее исчезновения.

— И? — слабо спрашиваю я. — Что случилось, когда он нашел ее?

Папа зажимает глаза:

— Она мертва, Лиз.

Меня пробивает дрожь, словно ледяная вода разливается по венам.

— Она мертва? — спрашиваю я потрясенно. До этого момента я даже не осознавала, но всегда предполагала, что она живет где-то, не думая о дочери, которую оставила, спасаясь от собственного ада.

Папа кивает, опуская голову так низко, что подбородок почти касается груди.

— Мы думаем, — тихо начинает Вера Семеновна, — что, когда он узнал о ребенке... — она качает головой, глаза блестят. — Кто может сказать, почему он это сделал? Но ее тело нашли десять лет назад, и не было никакой возможности...

— Он позаботился о том, чтобы никто не узнал, кто она и что с ней случилось, — тихо перебивает отец. — Это было нераскрытое дело. Никто не знал, кто она на самом деле и что с ней произошло.

— А теперь? — спрашиваю я напряженно. — Как они...

— Ее похоронили, — он поднимает голову, встречаясь с моими глазами, полными боли. — Завернутой в шерстяное одеяло. Когда ее нашли, они собрали все возможные улики, чтобы установить ее личность и выяснить, кто убил ее. На одеяле были обнаружены следы ДНК мужчины

Тем вечером мы с отцом сидели в его кабинете, погруженные в тяжелое молчание. Наконец он нарушил тишину:

— Ты готова к завтрашнему дню?

— Думаю, да, — тихо ответила я, и он бросил на меня странный взгляд.

— Если у тебя есть сомнения, мы можем отложить. Сегодня уже было достаточно потрясений. Я не буду винить тебя, если ты захочешь взять паузу. Или передумать.

Я поджала губы:

— Нет, — твердо ответила я. — Это должно случиться. Не в том смысле, что я пытаюсь вычеркнуть Максима из своей жизни. Он впечатался в каждую частичку моего существа, и я не думаю, что смогу это изменить. — Я сухо улыбнулась. — Но этот брак никогда не будет настоящим для меня после того, как он начался. Это напоминание о том, что все, что было раньше, было ложью, даже если потом что-то изменилось. Если я дам Максиму еще один шанс, я хочу начать с чистого листа.

Отец задумчиво промывал:

— Думаю, я понимаю. Знай: что бы ты ни выбрала, мы будем рядом.

Я подняла брови:

— «Мы»? — повторила я с любопытством, сдерживая улыбку, когда его щеки покраснели.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — ворчливо ответил он. — Вера — часть семьи.

— Она и правда часть семьи, — мягко согласилась я, позволяя себе немного самодовольства. Он бросил на меня мрачный взгляд, прежде чем прочистить горло.

— Думаешь, я должна простить Максима?

Папа долго молчал, выражение его лица было задумчивым.

— Я бы немного помучил его, — он согнул пальцы правой руки, глядя на свои костяшки странным взглядом. — Но не тогда, когда ты мучаешь саму себя.

— Ты думаешь, я это делаю? — спросила я удивленно.

— Не специально, — ответил он. — Я любил твою маму, и эта любовь стоила мне больше, чем я мог себе представить. — Его взгляд стал далеким. — И ее предательство стоило мне еще дороже. Но если бы она вернулась... если бы она не сбежала... — Он поднял глаза на меня, и его выражение смягчилось. — Возможно, я бы принял ее обратно.

— Правда?

Его улыбка была маленькой, и она не достигала тяжести в его глазах.

— При условии, что она наконец порвет все связи с Сергеем.

Я наклонилась вперед, кладя руку на его руку:

— Пришло время перестать мучить себя, — сказала я мягко. — И, возможно, это то завершение, которого нам обоим не хватало.

— Возможно, — пробормотал он, и мы снова погрузились в спокойное молчание.

Через некоторое время я встала и потянулась.

— Мне лучше пойти домой, — сказала я. — Не уверена, что смогу уснуть сегодня, но завтра важный день. — Я встретила взглядом с папой, когда он молчал, и увидела блеск в его глазах. — Что?

— Есть еще кое-что, что я хотел тебе сказать.

Я напряглась, хмуро глядя на него:

— Разве сегодня не было достаточно сюрпризов?

— Возможно, но это сюрприз не так плох, — он добавил: — Думаю. — Я молчала, и отец продолжил: — Я не продаю Hi Tors. Сейчас просто не лучшее время с точки зрения рынка. И у меня есть новый преемник, которого нужно обучить. Было бы расточительно упускать его потенциал.

— Преемник, — медленно повторила я, сведя брови. — Кто это?

Он не ответил, одаривая меня долгим, многозначительным взглядом:

— Думаю, будет лучше, если ты выяснишь это сама.

Глава двенадцатая

Мы обе вздрагиваем и оборачиваемся: в дверях стоит папа. Он прислонился к косяку, скрестив ноги в лодыжках. Поза непринужденная, а лицо — словно маска: ни тени эмоций.

Паника ледяной глыбой скользит по горлу, обжигая все на своем пути. Когда она оседает тяжелым комком в животе, я уже дрожу, бессмысленно открывая и закрывая рот, словно рыба.

— Я оставлю вас ненадолго, — объявляет Вера, торопливо подходя к плите, чтобы выключить конфорку. Бормочет что-то о том, что еда не испортится, и выходит, оставляя нас наедине.

Папа не сдвигается с места ни на дюйм. Я нервно сжимаю руки на коленях.

— Привет, пап.

Его лицо остается бесстрастным.

— Привет, Лизочка.

Папа молчит. Я тоже не нахожу слов — язык словно онемел.

Наконец он качает головой:

— Пойдем поговорим в кабинете.

Разворачивается и уходит, ясно давая понять, что я должна пойти за ним. Воспоминания о том, как в юности меня не раз вызывали «на ковер», всегда в этом кабинете — заставляют меня замедлить шаг.

Когда я переступаю порог, папа уже наливает себе виски — чистый, без льда. Осушает стакан, пока я стою с открытым ртом. Я прекрасно знаю, сколько стоит этот виски: я дарила его не на один день рождения.

Он не замечает моего взгляда, снова наполняет стакан, но на этот раз добавляет два кубика льда из встроенного морозильника. С напитком в руке подходит к столу; кожаное кресло с высокой спинкой скрипит, когда отец опускается в него. Смотрит на виски, словно в этой жидкости скрыты все ответы, которые он ищет.

Не в силах видеть эту откровенную уязвимость на его лице, я обвожу взглядом строгий кабинет: темные деревянные панели. Одна стена занята книжными шкафами из красного дерева — все полки заполнены. Слева — два кресла с обивкой из зеленого бархата, где мы с папой часто проводим воскресные утра за чтением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.